

СТИВЕН
* ФРАЙ *

МИФ

ГРЕЧЕСКИЕ
□ МИФЫ □
В ПЕРЕСКАЗЕ

Стивен Фрай

**Миф. Греческие
мифы в пересказе**

«Фантом Пресс»

2017

УДК 84-9/-9
ББК 82.3(3)

Фрай С.

Миф. Греческие мифы в пересказе / С. Фрай — «Фантом Пресс»,
2017

Кто-то спросит, дескать, зачем нам очередное переложение греческих мифов и сказаний? Во-первых, старые истории живут в пересказах, то есть не каменеют и не превращаются в догму. Во-вторых, греческая мифология богата на материал, который вплоть до второй половины XX века даже у воспевателей античности – художников, скульпторов, поэтов – порой вызывал девичью стыдливость. Сейчас наконец пришло время по-взрослому, с интересом и здорово воспринимать мифы древних греков – без купюр и отведенных в сторону глаз. И кому, как не Стивену Фраю, сделать это? В-третьих, Фрай вовсе не пытается толковать пересказываемые им истории. И не потому, что у него нет мнения о них, – он просто честно пересказывает, а копаться в смыслах предоставляет антропологам и философам. В-четвертых, да, все эти сюжеты можно найти в сотнях книг, посвященных Древней Греции. Но Фрай заново составляет из них букет, его книга – это своего рода икебана. На цветы, ветки, палки и вазы можно глядеть в цветочном магазине по отдельности, но человечество по-прежнему составляет и покупает букеты. Читать эту книгу, помимо очевидной развлекательной и отдыхательной ценности, стоит и ради того, чтобы стряхнуть пыль с детских воспоминаний о Куне и его «Легендах и мифах Древней Греции», привести в порядок фамильные древа богов и героев, наверняка давно перепутавшиеся у вас в голове, а также вспомнить мифогенную географию Греции: где что находилось, кто куда бегал и где прятался. Книга Фрая – это прекрасный способ попасть в Древнюю Грецию, а заодно и как следует повеселиться: стиль Фрая – неизменная гарантия настоящего читательского приключения.

УДК 84-9/-9
ББК 82.3(3)

© Фрай С., 2017
© Фантом Пресс, 2017

Содержание

Предисловие	8
Начало	11
Из хаоса	11
Первое поколение	12
Второе поколение	13
Месть Геи	14
Серп	17
Ночь и день, свет и тьма	18
Уран оскопленный	19
Эринии, гиганты и мелии	20
Из пены	21
Рея	22
Дети Реи	22
Подмена	23
Критское дитя	24
Клятва верности	24
Критский мблodeц	25
Океанида и зелье	26
Перерождение пяти	27
Начало	30
Битва титанов	30
Приумножение	31
Музы	31
Тройняшки	34
Духи воздуха, земли и воды	35
Верховный владыка и судия всей земли	36
Третье поколение	38
Гестия	38
Лотерея	39
Аид	39
Посейдон	40
Деметра	41
Гера	41
Новый дом	42
Недомерок	43
Это война	43
Заколдованный трон	44
Калека	44
Рука Афродиты	45
Свадебный пир	46
Пища богов	48
Гадкий Зевс	49
Мать всех мигреней	50
Афина	51
Внутренняя Метида	52
В поиске убежища	53

Двойняшки!	54
Артемида	54
Аполлон	56
Гнев Геры	56
Майя, Майя	58
Чудо-чадо	58
Аполлон читает знаки	59
Сводные братья	60
Двенадцатый бог	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Стивен Фрай

Миф. Греческие мифы в пересказе

Mythos. The Greek Myths Retold by Stephen Fry

Переводчик посвящает эту работу памяти Сергея Борисовича Ильина (1948–2017), многие годы блистательно переводившего книги Стивена Фрая на русский язык.

© 2017 by Stephen Fry

© Ш. Мартынова, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© “Фантом Пресс”, издание, 2018

* * *

ΓΙΑ ΤΟΝ 'ΕΛΛΙΟΤΤ ΜΕ ΑΓ'ΑΠΗ!

¹ Эллиотту с возвышенной любовью (гр.). – Примеч. перев.

Предисловие

Мне очень повезло: книга под названием «Истории Древней Греции» попала мне в руки, когда я был еще совсем маленьким. Любовь с первой встречи. Как бы дороги ни были мне мифы и легенды других культур и народов, в греческих историях нашлось что-то, озарившее меня изнутри. Энергия, юмор, страсть, обстоятельность и достоверные подробности их мира заворожали меня сразу. Надеюсь, заворожат и вас. Возможно, то-сё из того, что найдется здесь, вам уже знакомо, но я особенно рад читателям, которые никогда прежде не встречались с героями и историями греческого мифа. Чтобы читать эту книгу, предварительно знать ничего не нужно: она начинается с пустой Вселенной. Никакого «классического образования» уж точно не потребуется – и никакого знания о разнице между нектаром и нимфами, сатирами и кентаврами или фатами и фуриями. Ничего высокоученого или интеллектуального в греческой мифологии нет, она затягивает и развлекает, а еще она доступна и поразительно человечна.

Но откуда взялись мифы Древней Греции? Нам, вероятно, удалось бы вытянуть отдельную греческую нить из путаной истории человечества и добраться по ней до истока, однако, если выберем лишь одну цивилизацию и ее легенды, может показаться, что мы позволяем себе вольность – назначаем некий истинный корень единого мифа. Во всем мире древние искали источники силы, какие питают вулканы, бури, приливы и землетрясения. Люди праздновали смену времен года, поклонялись этому ритму, шествию небесных тел во тьме ночи и ежедневному чуду восхода солнца. Они размышляли, с чего это все началось. Коллективное бессознательное многих цивилизаций слагало рассказы о гневных богах, богах умирающих и обновляющихся, о богинях плодородия, о божествах, демонах и духах огня, земли и воды.

Разумеется, греки – не единственные, кто пряд полотно легенд и преданий из путаных нитей бытия. Боги Греции, если вдаваться в археологию и палеонтологию, происходят от небесных отцов, лунных богинь и демонов «плодородного полумесяца» Месопотамии – земель современных Ирака, Сирии и Турции. У вавилонян, шумеров, аккадцев и других народов тех мест, цивилизаций, расцветших задолго до греческой, были свои рассказы о Творении и народные мифы, корни которых, в свою очередь – как и наречий, запечатлевших их, – можно обнаружить в Индии и далее к западу, и глубже в доисторические времена, к Африке, – и к зарождению нашего биологического вида.

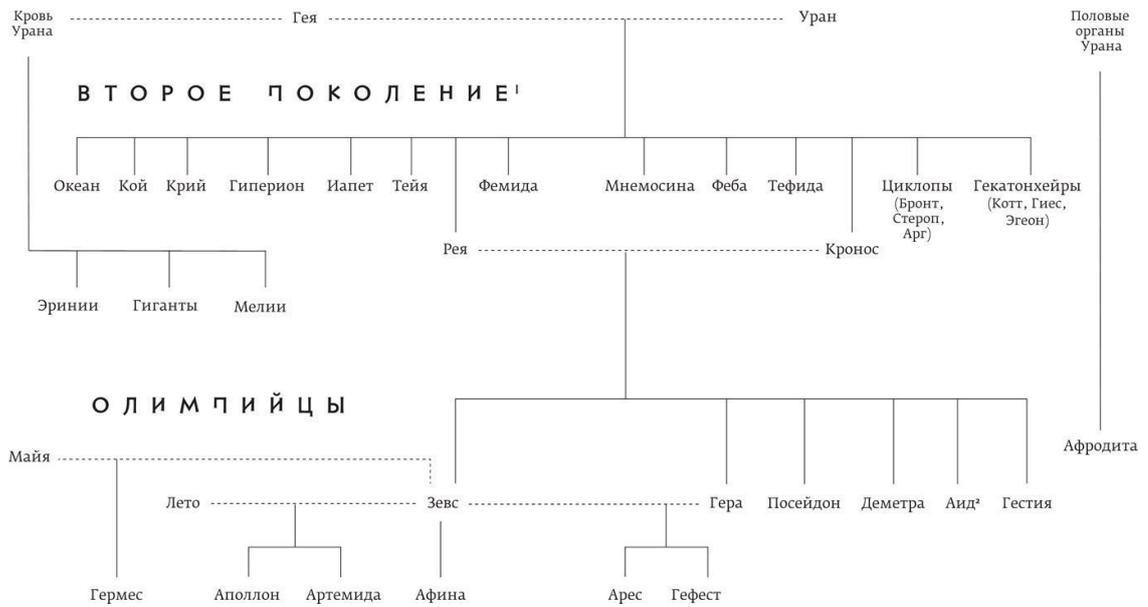
Но какую бы историю ни взяли мы рассказывать, для начала нить повествования придется где-то пресечь. С греческой мифологией это просто, поскольку она дошла до нас подробной, богатой, живой и красочной, и это отличает ее от других мифологий. Ее запечатлели и сохранили самые первые поэты, она дожила до наших дней благодаря непрерывной передаче из поколения в поколение чуть ли не с рождения письменности. У греческих мифов много общего с китайскими, иранскими, индийскими, майяскими, африканскими, русскими, индейскими, иудейскими и скандинавскими, однако греческие неповторимы в том, что они суть «творение великих поэтов», по словам писателя и исследователя Идит Хэмилтон. Греки – первый народ, создавший связные повествования, настоящую литературу о своих богах, чудовищах и героях.

Эволюция греческих мифов – от рассвета человечества до нашей борьбы за свободу от вмешательства богов в человеческую жизнь и цивилизацию, от их хулиганств, вторжений, самодурства. Греки перед своими богами не лебезили. Они знали о тщеславной потребности богов в преклонении и превозношении, но считали, что люди им равны. Мифы древних греков содержат понимание: кто бы ни сотворил этот непостижимый мир со всеми его жестокостями, чудесами, капризами, красотами, безумием и несправедливостью, творцы эти сами наверняка жестоки, чудесны, капризны, прекрасны, безумны и несправедливы. Греки создали богов по образу и подобию своему: воинственными, но изобретательными, мудрыми, но свирепыми, любящими, но ревнивыми, нежными, но лютыми, сострадательными, но мстительными.

«Миф» начинается с истока, но завершение книги – не конец мифа. Включи я в свои пересказы Эдипа, Персея, Тесея, Ясона и Геракла, например, а также подробности Троянской войны, книга оказалась бы слишком тяжелой даже для титана. Кроме того, мне интересно лишь *рассказывать* истории, а не объяснять их или же исследовать человеческие истины и психологические глубины, какие могут под этими историями залегать. Греческие мифы и без того поражают воображение своими болезненными, ошеломительными, романтическими, комическими, трагическими, жестокими и чарующими подробностями и потому самодостаточны просто как истории. Если по мере чтения вы то и дело станете задумываться, что вдохновило греков на изобретение мира, столь богатого и насыщенного персонажами и обстоятельствами, и вас потянет размышлять о глубинных истинах, запечатленных в этих мифах, – что ж, это, несомненно, часть общего удовольствия.

А погружение в миры греческого мифа и есть сплошное удовольствие.

¹ Здесь и далее все имена персонажей, кроме случаев, оговоренных особо, приводятся по: Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. В некоторых случаях по: Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М.: Художественная литература, 1983. Пер. с лат. С. Шервинского. – *Примеч. перев.*

² Говоря строго, Аид – не олимпиец: он безвылазно жил в подземном мире. – *Здесь и далее примечания автора, кроме случаев, оговоренных особо.*

Начало Часть первая

Из хаоса

В наши дни происхождение вселенной объясняется теорией Большого взрыва – одномоментного события, породившего материю, из которой состоит всё и вся.

Древним грекам виделось иначе. По их мнению, все началось не со взрыва, а с ХАОСА.

Был ли Хаос богом – чудесным существом – или же попросту состоянием ничто? А может, Хаос, в полном соответствии с тем смыслом, какой мы ныне вкладываем в это слово, был неким жутким беспорядком – как в комнате у подростка, только хуже?

Возможно, стоит представлять себе Хаос как своего рода вселенское зияние. Как зияющую пропасть или зияющую пустоту.

Породил ли Хаос жизнь и материю из ничего, или же изрыгнул их из своего зияния, или нагрезил, или еще как-то сотворил, мне неведомо. Меня там не было. Как и вас. И все же в некотором смысле мы там были, потому что все наши составляющие – оттуда. Довольно сказать вот что: греки считали, что именно Хаос однажды исполински поднатужился – или содрогнулся, или икнул, или стошнил, или кашлянул – и тем самым начал длинную цепочку творения, завершившуюся пеликанами и пенициллином, поганками и пипами, морскими львами, морскими же котиками, сухопутными львами, людьми, нарциссами, убийствами, искусствами, любовью, растерянностью, смертью, безумием и булочками.

Как бы ни обстояло дело в действительности, современная наука считает, что всему судьба *вернуться* к Хаосу. Эту неизбежную участь именуют *энтропией*, она – часть великого круга от Хаоса к порядку и обратно к Хаосу. Ваши брюки происходят от хаотически метавшихся атомов, которые неким манером слиплись в нечто, за многие эпохи упорядочившее себя до живой материи, та постепенно эволюционировала до растения хлопчатника, плод которого теперь входит в состав шикарной вещи, облегающей ваши прелестные ноги. Когда-нибудь вы отринете эти брюки – не тотчас, надеюсь, – и они сгниют где-нибудь на свалке или же будут сожжены. Так или иначе их материя в конце концов высвободится и станет частью земной атмосферы. А когда Солнце взорвется и прихватит с собой все до единой частицы этого мира, в том числе и составляющие ваших брюк, все атомы вернуться в холодный Хаос. И то, что применимо к вашим брюкам, применимо, разумеется, и к вам.

Словом, Хаос, с которого все началось, есть Хаос, каким все и завершится.

Не исключено, что вы из тех людей, кто задается вопросом: «Все-таки кто или что было *до* Хаоса?» или «Кто или что было *до* Большого взрыва? Что-то же должно было быть».

Так вот – нет. Мы вынуждены смириться с тем, что никакого «до» не было, потому что еще не существовало Времени. Никто не жал на кнопку запуска Времени. Никто не кричал «Поехали!». А поскольку Время нужно было создать, слова, с ним связанные – «перед», «в течение», «когда», «потом», «после обеда» и «в прошлую среду», – не имели никакого мыслимого значения. В голове это укладывается плохо, но что поделать.

Греческое слово для «вообще всего», что мы именуем Вселенной, – КОСМОС. И в данный миг – хотя «миг» есть слово, связанное со временем, и смысла в нем пока никакого (как и в слове «пока»), – в данный миг Космос есть Хаос и ничто, кроме Хаоса, поскольку Хаос есть вообще всё. Идет разминка, оркестр настраивается...

Но все того и гляди стремительно изменится.

Первое поколение

Из бесформенного хаоса возникли два творения: ЭРЕБ и НИКТА. Эреб был тьмой, а Никта – ночью. Они тут же совокупились, и их союз принес блистательные плоды – ГЕМЕРУ, день, и ЭФИРА, свет.

В то же самое время – потому что, пока не возникло Время, отделяющее одно событие от другого, все происходит одновременно, – Хаос исторг еще две сущности: ГЕЮ, землю, и ТАРТАРА, подземные глубины и пещеры.

Догадываюсь, о чем вы думаете. Вроде славные это творения – День, Ночь, Свет, Глубины и Пещеры. Но они же не боги и не богини – даже не личности. А еще, возможно, вы заметили, что, раз времени не существовало, не могло быть и повествования о событиях, истории: истории прочно привязаны к «однажды» и «дальше было так».

Вы правы. Все, что возникло из Хаоса первым, – это простые стихии, в них не было никакого настоящего характера, нрава или примечательности. То были ПЕРВИЧНЫЕ БОЖЕСТВА, первое поколение божественных существ, от которых произошли все боги, герои и чудовища древнегреческого мифа. Эти первичные божества созерцали всё и располагались под всем... выжидали.

Безмолвная пустота этого мира наполнилась, когда Гея сама родила двоих сыновей². Первый – ПОНТ, море, второй – ОУРАН, небо; мы привыкли называть его Ураном, и это имя дарит премного веселья детям от девяти до девяноста³. Гемера и Эфир тоже совокупились, и из их союза возникла ТАЛАССА, женская ипостась моря-Понта.

Уран, предпочитавший называть себя Уранóсом, *сам был* небесами в том смысле, в каком поначалу все первичные божества всегда *были* тем, что воплощали и чем управляли⁴. Можно сказать, что Гея была землей холмов, долин, гротов и гор, но при этом могла принимать некие конечные очертания, способна была ходить и разговаривать. Облака Урана-неба клубились и летели над ней, но тоже могли стучаться в некую опознаваемую фигуру. То было самое начало всего. Мало что устоялось пока.

² Фокус-покус непорочного зачатия, или *партеногенеза*, все еще попадает в живой природе. У тлей, некоторых ящериц и даже у акул это довольно распространенный способ обзаводиться потомством. Изменчивости, какую придают организмам два набора хромосом, не будет, что верно и для генезиса греческих богов: все интересные боги – порождение двух родителей, а не одного.

³ По-английски это слово созвучно словосочетанию «твой (ваш) анус» (*your anus*). – *Примеч. перев.*

⁴ Само собой, греческое слово *ouranos* до сих пор означает «небо».

Второе поколение

Уран-небо повсюду покрывал мать свою Геюземлю. Покрывал он ее в обоих смыслах: так, как небеса по сей день покрывают Землю, – и как жеребец, покрывающий кобылу. Благодаря этому случилось нечто замечательное. *Родилось Время.*

Кроме того, родилось и еще кое-что... как бы это назвать? Нрав? Действие? Личность? Характер – со всеми его слабостями и пороками, метаниями и страданиями, позами и грезами. Родился смысл, можно сказать. Осеменение Геи подарило нам смысл, претворение мысли в осязаемые черты. Сущностная семантическая семиология из семени небесного. Эти рассуждения я оставляю тем, кто для них лучше подготовлен, однако миг был тем не менее великий. В сотворении и совокуплении с Ураном, собственным сыном, а теперь и мужем, Гея запустила эстафету жизни, что позднее привело к истории человечества и к нам самим – к вам и ко мне.

С самого начала союз Урана и Геи был замечательно плодовит. Сперва появились двенадцать крепких, здоровых ребяташек – шесть мальчиков и шесть девочек. Мальчики – ОКЕАН, КОЙ, КРИЙ, ГИПЕРИОН, ИАПЕТ и КРОНОС. Девочки – ТЕЙЯ, ФЕМИДА, МНЕМОСИНА, ФЕБА, ТЕФИДА и РЕЯ. Этой дюжине суждено было стать Вторым Поколением божественных существ, впоследствии овеванных легендарной славой.

С возникновением Времени где-то пошли часы – часы космической истории, что тикают и по сей день. Возможно, все подстроил кто-то из тех первых младенцев, – разберемся с этим чуть погодя.

Не удовлетворившись рождением этих двенадцати сильных красивых братишек и сестреночек, Уран с Геей подарили миру еще потомство: две примечательные, но примечательно некрасивые тройни. Первыми увидели свет три ЦИКЛОПА – одноглазых великана, благодаря которым у их отца-неба возник целый новый набор выразительных средств. Старшего циклопа назвали БРОНТОМ – громом⁵, вторым появился СТЕРОП – молния, а следом АРГ – яркость. Уран теперь мог насыщать небеса вспышками и сокрушительным грохотом. Он упивался и звуками, и зрелищем. Но из-за второй тройни, рожденной Геей, Уран содрогнулся еще сильнее – содрогнулись и все, кто их видел.

Вероятно, деликатнее всего было бы сказать, что состоялась экспериментальная мутация, которую лучше не повторять, генетический тупик. У этих новорожденных – ГЕКАТОНХЕЙРОВ⁶ – было по пятьдесят голов и по сто рук, а сами они – могучие, безобразнейшие, свирепейшие, жесточайшие из всех рожденных существ. Звали их КОТТ – яростный, ГИЕС – долгорукий, и ЭГЕОН – морской козел, его еще именуют БРИАРЕЕМ – могучим. Гея их обожала. Урана от них воротило. Может, больше всего его утрашала мысль, что он, Владыка Неба, породил таких странных и уродливых существ, но, думаю я, отвращение его – как и любая ненависть – коренилось в страхе.

Преисполнившись гадливостью, он проклял эту тройню: «За то, что оскорбили вы взор мой, не видать вам больше света!» Проревев эти яростные слова, он запихнул их – и циклопов заодно – обратно в утробу Геи.

⁵ В честь Бронты был назван бронтозавр, или «громовой ящер». Сестры-романистки из Йоркшира, *возможно*, тоже. Фамилия их отца была Бранти, но он сменил ее на Бронте – вероятно, ради того, чтобы добавить своей ирландской фамилии грохота античного грома, а может, в честь адмирала Нелсона, которого сделали герцогом Бронте: герцогство располагалось на склонах Этны и, считается, обязано своим именем циклопу, дремлющему под горой.

⁶ «Гекатон» означает «сто», а «хейры» происходит от слова «руки» (как в слове «хиропрактик»).

Месть Геи

Наш интерес, что это на самом деле означает – «запихнул в утробу Геи», – объясним. Некоторые считают, что это значит «погреб гекатонхейров в земле». Натура божеств в ту раннюю пору была текуча: в какой мере бог был личностью, а в какой – свойством, сказать трудно. В те времена прописных букв не придумали. Мать-земля Гея была той же *geey*, то есть самой землей; также и *уран*-небо, и Уран Небесный Отец – одно и то же.

Ясно одно: подобное обращение с собственными чадами-гекатонхейрами и отвратительная жестокость к супруге стали первым преступлением Урана. Первичный проступок, который не остался безнаказанным.

Муки Геи оказались невыносимыми, а внутри нее, рядом с троицей метавшихся, буянивших и в триста рук скребшихся – а также в сто пятьдесят голов бодавшихся – гекатонхейров, возникла ненависть, жутчайшая и неутолимая ненависть к Урану – сыну, которого Гея родила, и мужу, с которым зачала целое новое поколение. И словно плющ, обвивающий древесный ствол, вырос замысел мести.

Страдая сокрушительной болью от гекатонхейров, не унимавшихся внутри нее, Гея отправилась к Офрису, великой горе, расположенной в центральной Греции; эти места мы теперь называем Фтиотидой. С вершины этой горы открывается вид на равнину Магнисии, омываемой синими водами западного Эгейского моря, где они плещутся в Малиакском заливе и окружают спорадическую россыпь островов, именуемую Спорадами. Но Гею полностью поглотили мука и ярость, и потому один из красивейших видов на свете был ей не мил. На вершине Офриса она принялась тесать из скалы необычайный и ужаснейший предмет. Девять дней и девять ночей трудилась она и наконец спрятала свое творение в расселине.

Затем навестила дюжину своих прекрасных, сильных детей.

– Убьешь ли ты отца своего Урана и станешь ли править Космосом вместе со мной? – спросила она каждого. – Унаследуешь небо, и все сотворенное будет в наших владениях.

Вероятно, мы представляем себе Гею – Мать-землю – нежной, благой, изобильной и доброй. Что ж, иногда она такая и есть, но не будем забывать: внутри у нее огонь. Временами она бывает жестокой, суровой и устрашающей – похлеще самого бурного моря.

Кстати, о морском царстве: первыми детьми, которых Гея попыталась склонить на свою сторону, оказались Океан и его сестра Тефида⁷. Но у того с Талассой, первичной богиней моря, в самом разгаре был спор за долю в океанах. Все их поколение в то время разогревало мышцы, определяло ведомства и сферы влияния, они цапались между собой, рычали друг на друга и пробовали свои силы и власть, словно щенки в корзине. Океан замыслил сотворить приливы и течения, чтобы неслись великой соленой рекой вокруг всего мира. Тефида собиралась родить Океану ребенка – в ту далекую пору грехом это не считалось, конечно: без кровосмесительных союзов никакого размножения не получилось бы. Тефида забеременела НИЛОМ – рекой и далее родит все прочие реки и по крайней мере три тысячи океанид, или морских нимф, – миловидных божеств, способных перемещаться с одинаковой легкостью и посуху, и по водам морским. У Океана с Тефидой уже имелось две взрослых дочери: КЛИМЕНА, возлюбленная Иапета, и сообразительная и мудрая МЕТИДА, которой в дальнейшем предстоит сыграть очень важную роль⁸. Пара была счастлива и предвкушала жизнь на океанской волне, и потому ни Океан, ни Тефида не сочли нужным помогать в убийстве собственного отца Урана.

⁷ Тетис – название, которое палеогеографы дали великому древнему морю – предшественнику Средиземного. [Тетис – исходный греческий вариант имени этой богини. – *Примеч. перев.*]

⁸ Поскольку океанид было тысячи три, без толку их перечислять – даже если бы все их имена были известны. Однако следует представить вам КАЛИПСО, АМФИТРИТУ и сумрачную, устрашающую СТИКС, которая, как и брат ее Нил, станет божеством очень важной реки. Еще одна океанида заслуживает упоминания – исключительно из-за ее имени: ДОРИДА.

Следом Гея посетила Мнемосину – та изо всех сил старалась остаться невыговариваемой. Казалась она очень поверхностным, глупым и дремучим существом, ничего не знавшим, а понимавшим еще меньше. Но как бы не так: каждый день она становилась все смышленнее и смышленнее, все осведомленнее и способнее. Ее имя означает «память» (откуда происходит и знакомая нам «мнемоника»). Когда же к ней заявила Гея, мир и Космос были еще совсем юными и Мнемосине не выдалось случая набраться знаний или сноровки. С годами ее беспредельная способность накапливать данные и чувственный опыт сделает ее мудрее едва ли не всех на свете. Придет время, и она родит девять дочек – МУЗ, с которыми мы еще познакомимся.

– Ты хочешь, чтобы я помогла тебе убить Урана? Так наверняка же Отец-небо бессмертен?

– Хотя бы сбросить с престола или вывести из строя... он большего не заслуживает.

– Не помогу.

– Почему?

– Тому есть причина, и когда я ее узнаю – вспомню и не забуду тебе сообщить.

Раздосадованная Гея двинулась дальше – к Тейе. Тейя тоже состояла в паре с близким родственником – своим братом Гиперионом. Позднее она родит ГЕЛИОСА – Солнце, СЕЛЕНУ – Луну, а также ЭОС – рассветную зарю; у нее полон рот родительских забот, а потому и эта пара особого интереса к затее Геи по устранению Урана не проявила.

Отчаявшись из-за отказа отпрысков, вялых и скучных, стремиться к божественному делу, какой она для них мыслила, – не говоря уже об отвращении к тому, какими залюбленными и одомашненными они ей показались, – Гея попытала судьбу с Фебой, вероятно, самой умной и прозорливой из всей дюжины. С молодых ногтей сиятельная Феба проявляла дар предвидения.

– Ой нет, Мать-земля, – сказала она, выслушав Гею. – В этом замысле я никакого участия не приму. Предвижу одно лишь недоброе от него. Кроме того, я беременна...

– Да чтоб тебя! – рявкнула Гея. – От кого? От Коя небось.

И не ошиблась: брат Фебы Кой и был ее супругом. Еще более разъяренная Гея ринулась прочь, к оставшимся отпрыскам. Ну хоть у кого-то же кишка не тонка ввязаться в борьбу?

Заглянула к Фемиде, которую позднее станут повсеместно считать воплощением справедливости и мудрого совета⁹, и та мудро посоветовала матери выбросить из головы несправедливую мысль о свержении Урана. Гея внимательно выслушала мудрый совет и – как все мы, хоть смертные, хоть нет, – отмахнулась от него, решив испытать отвагу своего сына Крия, состоявшего в союзе с дочерью Геи от Понта – ЭВРИБИЕЙ.

– Убить отца? – Крий уставился на мать в недоумении. – Н-но как... В смысле... за что? В смысле... ой.

– А нам-то что с этого, мама? – спросила Эврибия, известная как «сердце – камень».

– Ой, да весь мир и все, что в нем есть, – сказала Гея. – И делить это все с тобой?

– Делить это все со мной.

– Нет! – сказал Крий. – Уходи, мама.

– Тут есть о чем подумать, – сказала Эврибия.

– Слишком опасно, – сказал Крий. – Запрещаю.

Гея ощерилась – и ушла к своему сыну Иапету.

Океанида Дорида. Она составила пару морскому богу НЕРЕЮ, и вместе они родили толпу НЕРЕИД – дружелюбных морских нимф. [В европейских языках Дориду именуют Дорис; это довольно распространенное женское имя и предмет для шуток, поскольку, в частности, в известной детской словесной игре «Тук-тук! Кто там?» есть вариант ответа «Дорис» и дальнейшее развитие этой шутки, основанное на созвучии со словосочетанием *door is* (дверь есть). – *Примеч. перев.*]

⁹ Фемиде позднее стала символом закона, справедливости, обычая – морали и правил, регулирующих поведение и поступки людей.

– Иапет, милый ребенок. Сокруши чудовище Урана и правь со мной!

Голос подала океанида Климена, родившая Иапету двоих сыновей и беременная третьим.

– Что это за мать такая, если предлагает подобное? Сыну убить собственного отца – страшнейшее преступление. Весь Космос на уши встанет.

– Не могу не согласиться, мам, – сказал Иапет.

– Будь проклят и ты, и дети твои! – рявкнула Гея.

Материнское проклятие – жуткая штука. Мы еще убедимся, как досталось на орехи детям Иапета и Климены – АТЛАНТУ, ЭПИМЕТЕЮ и ПРОМЕТЕЮ.

Рея, одиннадцатый ребенок, с кем Гея переговорила, ответила, что сама не станет лезть, однако – вскинув руки навстречу зверскому шквалу материнских оскорблений – предположила, что брату Кроносу, последнему из сильных красивых детишек, затея избавиться от папаши может и понравиться. Она, Рея, много раз слышала, как Кронос клянет Урана и его власть.

– Неужели? – вскричала Гея. – Правда? И где же он? – Наверное, мыкается по пещерам Тартара. Они с Тартаром очень ладят. Оба сумрачные. Унылые. Угрюмые. Устрашающие. Жестокие.

– О боже, только не говори, что влюблена в Кроноса... – Замолви за меня словечко, мамуль, а? Он такой мечтательный. Ах эти черные пылкие очи. Грозовые брови. Долгие молчания.

Гея всегда считала, что долгие молчания ее младшенького – признак неразвитого интеллекта, не более, однако благоразумно воздержалась от комментариев. Уверив Рею, что, конечно же, она от души порекомендует ее Кроносу, Гея устремила вниз, вниз, вниз, в пещеры Тартара.

Если уронить бронзовую наковальню с небес, до земли она будет лететь девять дней. Если бросить ту же наковальню с земли, Тартара она достигнет за те же девять дней. Иными словами, земля находится на полпути между небом и Тартаром. Или, скажем так, от Тартара до земли столько же, сколько от земли до неба. Короче, очень глубоко это место, пропасть, однако оно не просто какое-то место. Не забывайте, что Тартар – тоже первичная сущность, возникшая из Хаоса одновременно с Геей. И потому, когда та явилась к нему, они встретились как родственники.

– Гея, ты растолстела.

– Ты выглядишь ужасно, Тартар.

– Какого ада тебе тут надо?

– Заткнись ненадолго – и я тебе расскажу...

Подобные колкости не помешают им позднее совокупиться и родить ТИФОНА – жутчайшее и убийственнейшее из всех чудищ¹⁰. Но сейчас Гея не в настроении ни для любовных утех, ни для обмена оскорблениями.

– Слушай-ка. Сынок мой Кронос не тут ли?

Брат обреченно вздохнул.

– Почти наверняка. Велела б ты ему оставить меня в покое. Весь день только и делает, что тарачится на меня этими своими воловьими глазами, раззявивши рот. Кажется, у него ко мне некая мужская влюбленность. Прически носит как у меня да подпирает собой деревья и валуны, весь несчастный, неприкаянный и непонятый. Словно ждет, чтобы с него картину писали или вроде того. Когда не пялится на меня – вперяется вон в тот лавовый колодец. Там он сейчас и есть, смотри. Вложи ему ума, будь любезна.

¹⁰ От имени Тифон происходят наши «тиф», «тифозный», а также название убийственного тропического шторма – тайфуна. Позднее мы познакомимся с двумя отвратительными отпрысками Тифона, порождениями полуженщины-полузмеи по имени ЕХИДНА.

Гея направилась к сыну.

Серп

Вообще-то Кронос (или крон, как он иногда представлялся) не был таким уж страдающим и уязвимым эмо-юношей, каким мы могли бы его себе вообразить со слов Реи и Тартара: Кронос – сильнейший в своем и без того невообразимо сильном племени. Сумрачно красив он был, это уж точно, и угрюм, да. Окажись у него примеры для подражания, в самом погруженном в себя состоянии он, вероятно, отождествлялся бы с Гамлетом, а в самом необузданно мрачном – с Жаком¹¹. Константин из «Чайки» с намеком на Моррисси¹². Было в нем, впрочем, и кое-что от Макбета – и ой как немало от Ганнибала Лектера, в чем нам еще предстоит убедиться.

Кронос первым на свете установил, что сумрачное молчание зачастую считается признаком силы, мудрости и уверенности в себе. Младший из дюжины братьев и сестер, отца он ненавидел всегда. Глубокий, всепроникающий яд зависти и обиды уже начал разъедать ему рассудок, но Кроносу удавалось скрывать силу своей ненависти от всех – кроме обожавшей его сестры Реи: та была единственным членом семьи, кому Кронос осмеливался показывать свое истинное лицо.

Пока они выбирались из Тартара наверх, Гея влила в его восприимчивые уши еще больше яду.

– Уран жесток. Он безумен. Опасаюсь и за себя, и за всех вас, мои возлюбленные чада. Идем же, мой мальчик, идем.

Она привела его на гору Офрис. Помните причудливый и ужасный предмет, о котором я вам рассказал? Который Гея создала и спрятала в горной расселине перед тем, как отправиться навещать детей? Сейчас Гея привела Кроноса к тому месту и показала ему свое творение.

– Бери. Смелее.

Кронос осмыслил очертания и суть этого странного предмета, и черные глаза младшего отпрыска Геи заблестели.

Это был серп. Исполинское орудие, с искривленным лезвием из адамантина¹³, что означает «неукротимый». Здоровенный инструмент из серого камня, гранита, алмаза и офиолита¹⁴, полумесяц лезвия заточен до предела. Такая кромка рассечет что угодно.

Кронос поднял орудие из укрытия с той же легкостью, с какой мы с вами подняли бы карандаш. Оценив уравновешенность клинка и его тяжесть на руке, Кронос взмахнул серпом раз-другой. От мощного посвиста, разорвавшего тишину, Гея улыбнулась.

– Кронос, сынок, – сказала она, – нужно подождать, пока Гемера с Эфиром нырнут в воды на западе, а Эреб и Никта изготовятся выпустить сумрак...

– Короче, нужно подождать до вечера. – Кронос не отличался ни терпением, ни поэтической жилкой, ни тонкостью чувств.

– Да. Вечерней поры. Тогда по своему обыкновению явится ко мне твой отец. Любо ему...

Кронос отрывисто кивнул. Подробности родительских любовных утех ему знать не хотелось.

– Спрячься здесь, в той же расселине, где я хранила серп. Когда услышишь, что покрыл меня твой отец, когда зашумит он рыками страсти и стонами вождения – нападай.

¹¹ Персонаж одной из ранних комедий Уильяма Шекспира «Как вам это понравится», там его именуют «печальным Жаком» (цит. по пер. В. Левика). В уста Жака Шекспир вложил монолог «Весь мир – театр». – *Примеч. перев.*

¹² Стивен Патрик Моррисси (р. 1959) – британский музыкант и поэт, сооснователь и вокалист британской рок-группы The Smiths (1982–1987); далее выступал сольно. – *Примеч. перев.*

¹³ Алмазный шпат. – *Примеч. перев.*

¹⁴ От греч. όφις – змея и λίθος – камень, другое название группы пород серпентинитов (змеевиков). – *Примеч. перев.*

Ночь и день, свет и тьма

Как и предсказала Гея, Гемера с эфиром устали за двенадцать часов игры и постепенно День и Свет соскользнули на запад, в море. В то же время Никта выпростала темное покрывало, и вместе с Эребом они набросили его, как переливчатую черную скатерть, на весь мир.

Кронос ждал в расщелине с серпом в руке, и все мироздание затаило дух. «Все мироздание» я употребил неслучайно: Уран, Гея и их отпрыски не были единственными способными к размножению. Прочие тоже плодились и размножались, и самыми плодовитыми пока оставались Эреб и Никта. У них завелась уйма детей, некоторые жуткие, некоторые милые, а некоторые чарующие. Мы уже знаем, что эта пара зачала Гемеру и Эфира. Но следом Никта уже без участия Эреба сотворила МОРА¹⁵, или же Погибель, которому суждено было стать самой устрашающей сущностью в мироздании. Погибель приходит ко всему живому, и к смертному, и к бессмертному, но всегда тайком. Даже бессмертные страшились всесильной, всезнающей власти Погибели над Космосом.

За Мором последовала целая лавина потомков, один за другим – словно чудовищный воздушный десант. Первой явилась на свет АПАТА – Ложь, которую римляне именовали ФРАУС (от ее имени происходят слова *fraud*, *fraudulent* и *fraudster*¹⁶). Она улепетнула на Крит, где и стала ждать своего часа. Следом родился ГЕРАС, Старость, – не такой уж и кошмарный демон, каким может казаться нам теперешним. Да, Герас отнимает гибкость, молодость и подвижность, но греки более чем довольны тем, что он дает взамен: достоинство, мудрость и авторитет. Его римское имя – СЕНЕКТ, у этого слова тот же корень, что и в словах «сеньор», «сенат» и «сенильный».

Далее появились совершенно жуткие близнецы: ОЙЗИС (на латыни МИЗЕРИЯ) – дух Несчастья, Печали и Тревоги и ее жестокий братец МОМ – злобное воплощение Насмешки, Злословия и Хулы¹⁷.

Никта и Эреб только-только вошли во вкус. Их следующее чадо, ЭРИС (ДИСКОРДИЯ) – Раздор, стоит за любыми разногласиями, разводами, скандалами, стычками, потасовками, сражениями и войнами. Именно ее злокозненный свадебный дар – легендарное «яблоко раздора» – привел к Троянской войне, хотя ждать этого эпохального скрещения оружия предстояло еще очень-очень долго. Сестра Раздора НЕМЕЗИДА – воплощенное Воздаяние, тот безжалостный извод космической справедливости, что карает спесивую, непомерную гордыню – грех, который греки называли «гибрис»¹⁸. У Немезиды есть кое-что общее с восточными представлениями о карме: Немезиду мы вспоминаем, когда речь заходит о том, что высокомерная злая воля рано или поздно встретит роковое заслуженное воздаяние и будет им повержена. Думаю, можно было бы сказать, что Холмс – немезида для Мориарти, Бонд – для Блофилда, а Джерри – для Тома¹⁹.

Эреб и Никта породили и ХАРОНА, чья дурная слава окрепла, когда он взялся выполнять обязанности паромного перевозчика мертвых. ГИПНОС, воплощение Сна, родился у этой же пары. Как и ОНИРЫ – тысячи существ, занятых творением грез и доставкой их спящим. Среди ониров по именам известны ФОБЕТОР – бог кошмаров, и ФАНТАЗ, отвечающий в снах за причудливость превращений предметов друг в друга. Они трудились под присмотром сына Гипноса по имени МОРФЕЙ, что намекает на метаморфозы, перемену очертаний в мире

¹⁵ Это имя приведено по: *Гесиод. Теогония (О происхождении богов)* / Пер. В. Вересаева. М., 1963. – *Примеч. перев.*

¹⁶ Мошенничество, мошеннический, мошенник (*англ.*). – *Примеч. перев.*

¹⁷ Мому (МОМУСУ у римлян) будут поклоняться литературно-трагикомически – как духу-покровителю сатиры. Эзоп включил его в некоторые свои басни; Мом – герой одной утраченной пьесы Софокла.

¹⁸ Также «хюбрис». – *Примеч. перев.*

¹⁹ Римляне – вероятно, по ошибке, – именовали Немезиду ИНВИДИЕЙ, что на латыни также означает «зависть».

грез²⁰. «Морфий», «фантазия», «гипнотический», «онейромантия» (толкование сновидений) – в наших языках выжили эти и многие другие словесные потомки греческих снов. Брат Сна ТАНАТОС – сама Смерть – одарил нас словом «эвтаназия», то есть «благая смерть». Римляне назвали его МОРСОМ, от него происходят слова *mortals*, *mortuaries* и *mortification*²¹.

Эти новые существа оказались устрашающими и омерзительными донельзя. Они оставили на всем сотворенном кошмарный, но неизбежный отпечаток, поскольку мир, судя по всему, не способен породить ничего приличного, не выдав при этом какую-нибудь гнусную противоположность.

Есть, впрочем, и три обаятельных исключения²²: три красавицы-сестры ГЕСПЕРИДЫ – нимфы запада, дочери вечера. Они возглашают ежедневное прибытие их матери и отца мягким золотым сиянием, а не жуткой чернотой ночи. Их время кинооператоры именуют «волшебным часом», когда свет самый завораживающий и прекрасный.

Такие вот были отпрыски Никты и Эреба; эта пара в данный миг укрывает землю тьмой ночи, куда Гея лежит в ожидании своего супруга – в последний, надеется она, раз, а Кронос таится в тених той самой расселины в горе Офрис, крепко сжимая в руке исполинский серп.

Уран оскопленный

Наконец Гея и Кронос услышали с запада великий топот и рокот. Листва на деревьях затрепетала. Кронос, безмолвно замерев в своем укрытии, остался бестрепетен. Приготовился.

– Гея! – проревел Уран, приблизившись. – Крепись. Нынче мы породим что-нибудь получше сторуких мутантов и одноглазых уродов...

– Приди же ко мне, достославный сын, божественный супруг! – вскричала Гея, а Кронос счел это пошлым, но убедительным проявлением пыла.

Послышались слюнявые чмоки, хлопки и кряхтение сладострастного божества, из которых Кронос сделал вывод, что его отец принялся за некую любовную прелюдию.

Сидя в своей нише, Кронос сделал пять вдохов и выдохов. Ни единого мига не оценивал он нравственной стороны того, что собирался предпринять, – в мыслях он полностью сосредоточился на тактике и расчетах времени. Глубоко вдохнув, он вскинул великий серп и стремительно вышел из укрытия.

От неожиданности сердито рыкнув, Уран, изготовившийся возлечь на Гею, вскочил на ноги. Спокойно двинувшись на отца, Кронос занес серп и рубанул им наотмашь. Лезвие, свистнув, начисто отсекло Урану половые органы.

Весь Космос услышал безумный вопль Урана – боли, страдания и ярости. Никогда за краткую историю творения не звучало в нем ничего громче и ужаснее. Все живое вяло – и утрашилось.

Кронос скакнул вперед и с непристойным победным кличем поймал в ладони истекавший кровью трофей прежде, чем тот долетел до земли.

Уран рухнул, корчась в бессмертной агонии, и провыл такие слова:

– Кронос, коварнейший среди потомков моих и коварнейший среди всего созданного. Худшая тварь, омерзительнее уродливых циклопов и отвратительных гекатонхейров, сим проклиная тебя. *Пусть дети твои сокрушат тебя, как сокрушил меня ты.*

²⁰ В комиксе Нила Геймана «Песочный человек» есть персонаж Морфей; он же вдохновил на создание персонажа Морфеуса в фильме Вачовски «Матрица», сыгранного Лоренсом Фишбёрном.

²¹ Смертные, мурги, умерщвление (*англ.*); в славянских и др. европейских языках корень появился, судя по всему, из др.-инд. (*mtiṣ*). – *Примеч. перев.*

²² Возможно, даже четыре. Гипнос тоже, если вдуматься, не такой уж гадкий. Чем дольше живешь, тем больше им проникаешься. К слову о долгой жизни: наверное, и Герас тоже не ужасен. Итого пять.

Кронос глянул на Урана. В черных глазах не высветилось ничего, однако рот искривила недобрая ухмылка.

– Нет в тебе силы проклятия, папуля. Твоя сила – в моих руках.

И он потряс у отца перед глазами жуткой добычей, истерзанной и замаранной кровью, сочившейся семенем, осклизлой. Хохоча, он размахнулся и зашвырнул отсеченную плоть далеко-далеко, прочь с глаз. Пролетела она над равнинами Греции и упала в темневшее море. Все трое смотрели, как Урановы органы порождения исчезли в пучине вод.

Повернувшись к матери, Кронос удивился: Гея прикрыла рот рукой – словно бы в ужасе. Из глаз ее текли слезы.

Кронос пожал плечами. Ей-то что.

Эринии, гиганты и мелии

В ту пору мироздание, населенное первичными божествами, посвящавшими, похоже, все силы и намерения воспроизводству, было наделено потрясающей плодovitостью. В почвы, щедро благословленные плодородием, можно было, кажется, воткнуть карандаш, и тот мгновенно покрылся бы цветами. Там, куда пала божественная кровь, жизнь вынуждена была переть из земли.

А потому, каким бы кровожадным, жестоким, алчным и разрушительным ни был по натуре Уран, он, как ни крути, владыка мироздания. Сын изуродовал, оскотил его – и тем самым совершил самое страшное преступление против Космоса.

Наверное, дальнейшие события не слишком уж неожиданны.

На месте оскотления Урана собрались обширные лужи крови. Из той крови, что натекла из паха Урана, возникли живые существа.

Первыми из пропитанной кровью земли выбрались ЭРИНИИ – их еще называют фуриями: АЛЕКТО (безжалостная), МЕГЕРА (ревнивая ярость) и ТИСИФОНА (возмездие). Быть может, этих мстительных существ призвал к жизни бессознательный инстинкт Урана. Их вечный долг, с мига их хтонического, то есть «из земли», рождения, – наказывать худшие и лютейшие преступления: неустанно отыскивать преступников и успокаиваться лишь после того, как виновный уплатит полную – и страшную – цену. Вооруженные зверскими металлическими бичами, фурии сдирали саму плоть с костей провинившегося. Греки со свойственной им иронией дали этим мстительницам прозвище ЭВМЕНИДЫ, или «благодетельницы».

Следом из земли возникли ГИГАНТЫ. Современные языки унаследовали от них «гигант», «гига-» и «гигантский», но, хотя были они и впрямь поразительно сильными, стать у них была та же, что и у их сводных братьев и сестер²³.

И наконец, в тот миг боли и разрушения родились МЕЛИИ, изящные нимфы, которым предстоит сделаться хранительницами ясеня, чья кора источала сладкую целительную манну²⁴.

Когда вся эта живность вылезла из пропитанной кровью земли, Кронос зыркнул на них с отвращением и разогнал одним махом серпа. Затем повернулся к Гее.

– Я обещал тебе, Мать-земля, – сказал он, – что освобожу тебя от изнурительной муки. Стой смиренно.

²³ Их имена означают не размер, а хтоническое происхождение – «порожденные землей», «Гея-ген», если точнее. Имя Геи, между прочим, в позднейшем греческом укоротилось до «Ге». Она по-прежнему с нами – в науках о земле, например в «геологии» и «географии», не говоря уже о современных экологических исследованиях, вернувших ей полное имя: Джеймс Лавлок и его популярная «гипотеза Геи» – показательный пример. [Джеймс Эфрэйм Лавлок (р. 1919) – британский ученый, независимый исследователь в областях химии, биологии, медицины, экологии, автор гипотезы Геи (1970-е), согласно которой Земля есть живой саморегулирующийся сверхорганизм. – *Примеч. перев.*]

²⁴ В честь богатого сахарами маннового ясеня, который до сих пор произрастает в Южной Европе, получил свое название подсластитель маннитол.

И еще одним взмахом серпа он распорол Гее бок. Вывалились циклопы и гекатонхейры. Кронос оглядел родителей – оба они, окровавленные, пыхтели и рычали, как сердитые раненые звери.

– Не крыть тебе больше Гею, – сказал он отцу. – Изгоняю тебя вечно жить под землей, глубже Тартара. Дуйся там и злись, оскопленный, бессильный.

– Ты зарвался, – процедил Уран. – Впереди воздаяние. Проклинаю жизнь твою, пусть тянется она целую безжалостную беспредельность, невыносимым бременем вечности без всякого конца. Твои дети сокрушат тебя, как...

– Как сокрушил тебя я. Знаю-знаю. Ты уже говорил. Это мы еще посмотрим.

– Ты, и братья твои, и сестры, проклинаю вас всех – ваши надрывные усилия вас же и уничтожат.

«Рвущийся к цели, надрывающийся», или же ТИТАН, – прозвание Кроноса, его одиннадцати братьев и сестер и (большинства) их потомства. Уран мыслил это определение оскорбительным, однако почему-то оно сохранилось в веках с призывом величия. Никто пока на титул «титан» не обиделся.

Кронос воспринял эти проклятия с ухмылкой и, подгоняя кончиком серпа, отвел изувеченного отца и только что высвобожденных братцев-мутантов в Тартар. Гекатонхейров и циклопов он упек в пещеры, а отца погреб еще глубже – как можно дальше от небес, его родных владений²⁵.

Сумрачный, мятущийся и яростный, Уран, сидя в глубинах земли, что когда-то любила его, сгустил все свое бешенство и божественную силу в горную породу – в надежде, что в один прекрасный день какое-нибудь копающее существо выроет его и попытается укротить бессмертную мощь, лучшую из этой породы. Такого, само собой, никогда не произойдет. Слишком опасно. Настолько глупому племени, какое решится высвободить силу атомов урана, пока лишь предстоит родиться, правда?

Из пены

Теперь вернемся к великой дуге в небесах, какую описали отсеченные тестикулы Урана. Кронос метнул ошметок Отца-неба, как вы помните, далеко в море.

Нам его видно. Близ ионийского острова Кйтира падает он, разметывая брызги, подскакивает над водой, вновь всплывает и наконец уходит вглубь. Могучие плети семени тянутся за ним, как ленты за воздушным змеем. Там, где хлещут они по поверхности моря, вскипает яростная пена. И вот уж вся вода бурлит и кипит. Что-то всплывает. Из ужасов оскопления отца и противоестественных замыслов уж точно должно родиться нечто невообразимо гадкое, нечто кошмарное, жестокое, нечто омерзительное, от чего можно ждать лишь войн, убийства и страданий.

Водоворот крови и семенной жидкости плещет, пшикает и пенится. Из прибоя, морской пыли и молок порождения появляется макушка, затем лоб и все лицо. Но что же это за лицо?

Лица прекраснее не возникало в мироздании – и не возникнет. Не просто красавица, а сама Красота поднимается – полностью вылепленная в пене. По-гречески «из пены» звучит примерно как АФРОДИТА, и таково имя той, что являет себя в плеске и брызгах. Она стоит в громадной раковине моллюска, робкая, нежная улыбка играет у нее на устах. Неспешно сходит Афродита на песок Кипра. Там, где она ступает, распускаются цветы и взмывают вихри бабочек. Вокруг головы ее вьют круги птички, поют в радостном упоении. Безупречная Любовь и Красота привели ее на землю, и мир изменился навсегда.

²⁵ Одно утешение сверженному Отцу-небу: планета Уран названа в его честь; остальные планеты принято называть древнеримскими именами богов, которых они воплощают.

Римляне прозвали ее ВЕНЕРОЙ, и ее рождение и прибытие на пески Кипра в раковине моллюска лучше всего запечатлены на великолепном полотне Боттичелли, которое, однажды увидев, уже не забыть.

Предоставим Афродите обживать на Кипре и вернемся к Кроносу, который отправляется в обратный путь из недр Тартара.

Рея

Прибыв на гору Офрис, Кронос увидел, что его ждет сестра Рея. Лишь завидев сумрачного красавца-брата с громадным серпом в руках, с которого капает кровь, Рея взбудоражилась так, что ее едва не разорвало изнутри.

Он установил свою власть – никто из братьев или сестер-титанов²⁶ не осмеливался ему перечить. Отец их теперь ни на что не годен, а Гея, обнаружив, что от насильственного свержения, которое она же и подстроила, радости ей никакой, удалилась в свои владения и зажила менее заметно. Ни мощи своей, ни власти, ни положения она, как Мать-земля и родительница всего, не утратила, но более не вступала ни в общение, ни в союзы. Кронос стал повелителем. После великого пира, на котором его успехи в холощении и свержении Урана громогласно и совершенно немзыкально воспели, Кронос поворотился к раздумывавшейся, трепетной Рее и отвел ее в сторонку – заняться любовью.

Беспредельна была радость Реи. Она сыграла свою роль – помогла обожаемому брату достичь владычества над мирозданием. И вот они теперь вместе. Более того, когда подошло время, она почувствовала, что внутри у нее зашевелился ребенок. Девочка, вне всяких сомнений. Счастье Реи оставалось безоблачным.

Кронос же, напротив... Его и без того угрюмый нрав омрачало кое-что еще. Слова Урана уже отзывались у него в мыслях:

Твои дети сокрушат тебя, как сокрушил меня ты.

В последующие недели и месяцы Кронос наблюдал с недобрим предчувствием, как живот у Реи полнеет и раздувается.

Твои дети... твои дети...

Когда пришел день разрешиться от бремени, Рея легла в горной пещере – в той же расщелине, на самом деле, где Гея скрывала серп и где прятался Кронос. Там Рея родила красивую девочку и назвала ее ГЕСТИЕЙ.

Не успела Рея произнести имя младенца, как возник Кронос, выхватил малышку у нее из рук и проглотил, не жуя. Развернулся и ушел, даже не икнув, а Рея осталась лежать, побелев от потрясения.

Дети Реи

Кронос стал владыкой земли, моря и неба, серп – символ его власти. Его скипетр. Землю он забрал у Геи, небо – у Урана. Угрожая насилем, отобрал море у Понта и Талассы – и у их брата Океана и сестры Тефиды. Никому не доверял, правил один.

Но продолжал услаждаться с Реей, а та соглашалась, безнадежно любя Кроноса и надеясь, что чудовищное пожирание их первенца было неким отклонением.

Увы. Их следующее дитя, мальчика по имени АИД, слопали тем же манером. И следующее – девочку ДЕМЕТРУ. Четвертым родился ПОСЕЙДОН, второй мальчик, и наконец, третья девочка – ГЕРА. Всех их сожрали целиком – с той же легкостью, с какой мы с вами заглатываем устрицу или ложку джема.

²⁶ Женщин этого племени еще именуют титанидами.

Когда Кронос съел Геру, пятого младенца Реи, ее любовь к супругу превратилась в ненависть. В ту же ночь он вновь овладел ею. Она поклялась себе, что, если вновь забеременеет, шестого их ребенка Кронос у нее не отнимет. Но как спасти этого младенца? Кронос же всемогущ.

Однажды утром Рея проснулась и почувствовала знакомую тошноту. Беременна. Ее божественные инстинкты подсказали ей, что шестым родится мальчик.

Она оставила Офрис и отправилась искать мать с отцом. Пусть и участвовала Рея в свержении родителей, она по-прежнему доверяла их мудрости и доброй воле. Понимала и то, что ярость Урана и Геи, обращенная на нее, – ничто по сравнению с немеркнущей ненавистью к Кроносу.

Три дня звенели ее призывы к Гее и Урану по холмам и пещерам мира:

– Мать-земля, Отец-небо, услышьте дочь вашу, придите на помощь! Сын, что иссек вас и изгнал вас, сделался мерзейшим чудовищем, гнуснейшей и самой противоестественной тварью во всем мироздании. Пятеро ваших внуков пожрал он. Во мне еще одно чадо, готовое появиться на свет. Научите меня, как его спасти. Научите, молю, и я воспитаю его в вечном почтении к вам.

Глубокий ужасающий рокот донесся снизу. Земля под ногами у Реи содрогнулась. Голос Урана ревом вонзился ей в уши, но смогла она разобрать и голос матери, поспокойнее.

Втроем они замыслили превосходное.

Подмена

Чтобы привести этот превосходный замысел в исполнение, Рея отправилась на Крит – договариваться с козой по имени АМАЛЬТЕЯ. Амальтея жила там же, где и мелии, нимфы дающего манну ясеня. Если помните, они появились из земли, пропитанной кровью Урана, вместе с фуриями и гигантами. После обнадеживающей беседы с Амальтеей Рея потолковала и с этими добрыми и милыми нимфами. Удовлетворившись достигнутым на Крите, Рея вернулась на гору Офрис – готовиться к родам.

Кронос уже заметил, что жена его на сносях, и ждал счастливого дня, когда поглотит он шестого их ребенка. Он не желал рисковать ничем. Предречение Урана все еще звенело у него в ушах, и припадки суеверной паранойи, какие мучат всех деспотов-узурпаторов, у этого ур-Сталина с каждым днем делались все свирепее.

Гея сказала Рее о некоем камне – из чистого магнетита, как раз нужного размера для их целей, гладком, по форме – как фасолина, и найти его можно среди холмов неподалеку от самой горы Офрис²⁷.

По утрам Кронос любил прогуливаться по Греции из конца в конец и навещать своих братьев-титанов и сестер-титанид – с виду чтобы посоветоваться, а на самом деле чтобы проверить, не замышляют ли они против него. Рея знала, в какое время Кронос будет на побережье, в гостях у Океана и Тетиды, и отправилась в то место, которое описала Гея, нашла камень и забрала его с собой домой, на гору Офрис, где завершила находку в полотно. Замысел начал воплощаться.

Вскоре после этого, как-то раз вечером, когда Кронос был неподалеку и мог слышать ее, но достаточно далеко, чтобы какое-то время добираться, Рея принялась кричать как при родах. Все громче и громче делался ее страдальческий вой, рассекавший воздух, пока, после внезапной тишины, не зазвучали первые всхлипы младенца – она постаралась изобразить их как можно достовернее.

²⁷ Область в центральной Греции, где расположена гора Офрис, называется Магнисией по сей день; в честь нее названы магний, магниты и, конечно, магнетит. Марганец, кстати, тоже – из-за ошибки в написании.

Знамо дело, явился Кронос. Его тень пала на Рею.

– Отдай мне ребенка, – сказал он.

– Государь²⁸ и супруг... – Рея бросила на него умоляющий взгляд. – Позволь же мне сохранить хоть этого? Посмотри на него – такой милый, невинный. Безвредный.

С грубым хохотом Кронос выхватил туго спеленатое дитя из объятий Реи и закинул его себе в утробу одним махом, вместе с одеялком. Полетел сверток внутрь, не касаясь стенок, как и все предыдущие. Стукнув себя в грудь кулаком раз-другой, Кронос громко срыгнул и оставил свою измученную супругу с ее горестным плачем.

Не успел он удалиться, плач превратился в истерические, едва подавляемые рыдания и вопли. Рыдания и вопли хохота.

Переведя дух и поднявшись с ложа, Рея скользнула вниз по склону горы и отправилась на Крит, спеша изо всех сил, какие есть у людей, настолько глубоко беременных.

Критское дитя

Подготовка к родам прошла на Крите довольно гладко. При бережной помощи козы и мелий Рея приготовилась родить в безопасности и уюте в пещере горы Ида. Вскоре явился на свет невероятно красивый мальчик. Рея назвала его ЗЕВСОМ.

Как Гея, втянувшая младшенького, Кроноса, в месть своему сыну и супругу Урану, Рея поклялась, что вырастит этого младшего ребенка, чтобы тот уничтожил ее супруга и брата Кроноса. Жуткий круг кровожадности, алчности и убийства, что отметил возникновение первобытного мира, не прервется и в грядущем поколении.

Рея знала, что ей придется вернуться на гору Офрис прежде, чем Кронос заметит ее отсутствие и заподозрит неладное. Как и замышлялось, коза Амальтея вскормит малыша своим густым и сытным молоком, а мелии будут питать его сладкой полезной манной, что сочилась из их ясеней. Так юный Зевс вырастет на Крите сильным и сытым. Рея станет навещать его как можно чаще – чтобы натаскивать в искусстве мести.

Хотя эта версия известна лучше прочих, бытует много разных изложений того, как Зевс избежал внимания великого Кроноса, бога земли, неба и моря. Согласно одному варианту, нимфа по имени АДАМАНТЕЯ подвесила младенца Зевса на веревке на дереве. Находясь между землей, морем и небом, он оставался незримым для своего отца. Приятный образ, в стиле Дали: дитяtko, что станет самым могучим из всех живых, пускает слюни, лопочет и хихикает, свисая с дерева среди стихий, какими ему суждено править.

Клятва верности

Пока Зевс на Крите, не замеченный отцом, рос и креп на козьем молоке и манне, учился ходить, говорить и понимать мир вокруг, Кронос призвал своих братьев-титанов и сестер-титанид на гору Офрис, чтобы заново взять с них обеты преданности и послушания.

– Теперь это наш мир, – сказал он им. – Судьба постановила, чтоб остался я бездетным – так лучше править. Но вы должны исполнять свой долг. Плодитесь! Наполняйте мир племенем титанов. Воспитывайте их в полном подчинении мне, и я дарую вам ваши наделы. Поклоняйтесь же мне.

Титаны склонились, и Кронос одобрительно хмыкнул – выражать счастье ярче он не умел. Мстительное пророчество его отца преодолено; впереди вечная Эпоха титанов.

²⁸ Здесь и далее Стивен Фрай иногда употребляет обращение *dread lord*, которое встречается в «Гамлете» – так Лаэрт обращается к Гамлету. См. переводы М. Лозинского, Б. Пастернака, Т. Гнедич. – *Примеч. перев.*

Критский молодец

Кронос, может, и хмыкал от удовлетворения, а вот Мор, воплощение Рока и Погибели, улыбался – как всякий раз, когда властители проявляют уверенность. Мор улыбался, потому что видел, как процветает на Крите Зевс. Он вырос в сильнейшего и красивейшего мужчину во всем Мироздании – свечение его было таково, что едва не резало глаза²⁹. Благодаря целительному козьему молоку и питательной мощи манны у Зевса были крепкие кости, чистая кожа, сияющие глаза и блестящие волосы. Он проделал путь, если говорить в греческих понятиях, от *паиса* (мальчика) и *эфебоса* (подростка) до *куроса* (юнца), то есть до того, что мы ныне именуем молодежью. Уже сейчас первые пуховые намеки на то, что станет легендарным и великим примером искусства ношения бороды, пробивались у него на подбородке и щеках³⁰. Зевс был наделен уверенностью, естественной властью, какими отмечены те, кому суждено повелевать. На смех он был более горазд, чем на гнев, однако если поднималась в нем ярость, он мог напугать все живое вокруг.

С самого начала он проявлял и жизненный пыл, и силу воли, какие наполняли трепетом даже его мать, а кое-кто утверждал, что молоко Амальтеи придавало этому юнцу, пока он рос, невероятные способности. По сей день критские экскурсоводы развлекают туристов байками о замечательных силах юного Зевса. Рассказывают (так, будто это случилось при их жизни), что, играя со своей любимой няней-козой и не отдавая себе отчета в собственной мощи, Зевс случайно отломил ей рог³¹. Из-за его уже тогда сверхъестественных божественных сил отломленный рог мгновенно наполнился превосходнейшей пищей – свежим хлебом, овощами, фруктами, вяленным мясом и копченой рыбой, и щедрость рога не истощалась, сколько бы ни потребили из него. Так возник Рог изобилия – КОРНУКОПИЯ.

Целеустремленная мать Зевса посещала Крит при всяком удобном случае, когда могла ускользнуть от недреманного ока Кроноса.

– Ни на миг не забывай, что натворил твой отец. Он съел твоих братьев и сестер. Пытался съесть и тебя. Он твой враг.

Зевс слушал, как Рея живописует несчастья мира под владычеством Кроноса.

– Он правит устрашая. У него никакого чувства родства или доверия. Так нельзя, мой Зевс.

– Это разве не делает его сильным?

– Нет! Это делает его *слабым*. Титаны – семья, его братья и сестры, племянники и племянницы. Некоторые уже недовольны его чудовищной тиранией. Когда придет твое время, ты воспользуешься этим недовольством.

– Да, мама.

– Подлинный вождь создает союзы. Подлинного вождя обожают, ему доверяют.

– Да, мама.

– Подлинного вождя любят.

– Да, мама.

²⁹ Как это часто бывает с чрезвычайно красивыми людьми. Когда наша красота создает неудобства, нам надлежит извиняться или отворачиваться.

³⁰ Непрост вопрос о том, сколько требуется времени, чтобы выкормить бессмертного, научить ходить и говорить, вырастить до полной зрелости. Некоторые источники утверждают, что Зевс превратился из младенца в молодого человека всего за один год. Божественное время и время смертных, похоже, текут по-разному, как это устроено у собак и людей или слонов и мух, допустим. Вероятно, лучше всего не относиться к устройству времени в мифе слишком буквально.

³¹ Зевс частенько бывал игрив. Римляне назвали его ЮПИТЕРОМ, и наделен он был, дословно, жовиальным нравом. В своей симфонической сюите «Планеты» Густав Холст именует его «Дарителем веселья». [В англ. Юпитер – *Jupiter* или *Jove*, как раз на второй вариант Фрай и ссылается; Густав Холст (1874–1934) – английский композитор, аранжировщик и педагог; симфоническая сюита *The Planets* (1914–1916) – одно из самых известных произведений Холста. – *Примеч. перев.*]

– Ах, вот ты смеешься, а это правда.

– Да, м...

Рея отвесила сыну оплеуху.

– Давай-ка посерьезнее. Ты не дурак, я это своими глазами вижу. Адамантея говорит, ты умный, но взбалмошный. Что ты слишком много времени тратишь, охотясь на волков, дразня овец, лазая по деревьям и соблазняя нимф ясеня. Пора тебя как следует вышколить. Тебе уже шестнадцать, скоро предстоит нам делать свой ход.

– Да, мама.

Океанида и зелье

Рея попросила свою подругу Метиду, мудрую и красивую дочь Тетиды и Океана, подготовить сына к предстоящему.

– Он умен, однако рассеян и тороплив. Научи его терпению, ловкости и лукавству.

Метида очаровала Зевса с ходу. Никогда не видел он такой красоты. Титанида была чуть мельче остальных в ее племени, однако наделена изяществом и мощью личности, благодаря которым вся лучилась. Походка лани и хитрость лисы, мощь льва и нежность горлицы – все это вместе создало натуру и силу ума, от каких у юноши голова пошла кругом.

– Возляг со мной.

– Нет. Пошли прогуляемся. Мне нужно многое тебе рассказать.

– Вот тут. На травке.

Метида улыбнулась и взяла его за руку.

– У нас полно дел, Зевс.

– Но я тебя люблю.

– Тогда делай, как я говорю. Когда любим кого-то, мы всегда стремимся угодить ему, так?

– Ты меня не любишь?

Метида рассмеялась, хотя на самом деле ее поразил ореол величия и мощи характера, осенявший этого дерзкого юного красавца. Однако подруга Рея попросила ее обучить мальчика, а Метида была совсем не из тех, кто предает чужое доверие.

Целый год она учила его вглядываться в сердца живых и судить об их намерениях. Учила воображать и размышлять здраво. Искать в себе силы для того, чтобы остужать страсть и лишь потом действовать. Выстраивать замысел и улавливать, когда замысел следует изменить или оставить. Позволять голове править сердцем, а сердцу – завоевывать любовь окружающих.

Из-за ее отказа дать их отношениям сместиться в физическую плоскость Зевс полюбил ее еще сильнее. И хотя она никогда ему об этом не говорила, любовь эта была взаимной. Поэтому в пространстве между ними, когда бы ни были они рядом, возникала некая искра.

Однажды Зевс увидел, что Метида стоит над здоровенным валуном и долбит по его плоской поверхности маленьким округлым камнем.

– Ты что такое делаешь?

– Толку горчичные зерна и кристаллики соли.

– Да ладно.

– Сегодня, – сказала Метида, – твой семнадцатый день рождения. Ты готов отправиться на Офрис и подчиниться судьбе. Вскоре появится Рея, но я тут кое-что задумала и надо успеть доделать.

– Что это в кринке?

– Смесь макового молочка и сульфата меди, подслащенная сиропом манны, – его дали мелии, наши подруги ясеня. Соединю все ингредиенты и встряхну. Вот так.

– Не понимаю.

– Смотри, вон твоя мама. Она объяснит.

В присутствии Метиды Рея изложила Зевсу замысел. Мать с сыном всмотрелись друг другу в глаза, глубоко вздохнули и принесли обет – сын матери, мать сыну.

Они были готовы.

Перерождение пяти

Полночь. толстая пелена, какую Эреб с Никтой набросили на землю, море и небо и тем обозначили конец дневных игрищ Гемеры и Эфира, укрыла мир. В долине высоко на горе Офрис Владыка Всего вышагивал туда-сюда, бия себя в грудь, беспокойный, несчастный. Кронос превратился в самого вздорного и недовольного титана из всех. Власть над мирозданием не дарила никакого удовлетворения. С тех пор как Рея – без всяких объяснений – изгнала его с брачного ложа, бежал Кроноса и сон. Без этого целительного бальзама настроение и пищеварение у титана, и так-то паршивые даже в лучшие времена, испортились напрочь. Последний из проглоченных младенцев, похоже, вызвал у него острую изжогу, каких не бывало от предыдущих пяти. Какая там радость всевластия, если живот крутит, а мысли слепо толкаются в густом тумане бессонницы?

Впрочем, сердце его вознеслось к некоему подобию счастья, когда слышал он неожиданно тихий, милый голос Реи – она нежно напевала себе под нос, поднимаясь по склону к вершине горы. Милейшая сестра и дражайшая супруга! Вполне естественно, что она слегка расстроена из-за того, что он поглотил шестерых ее детей, но она, разумеется, понимает, что ничего другого ему не оставалось. Титанида, она сама знает о долге и судьбе. Он окликнул ее:

– Рея?

– Кронос! Не спишь в такой час?

– Я не сплю уже столько дней и ночей, что сбился со счета. Гипнос и Морфей сторонятся меня. Мой разум полон скорпионов³², любезная жена. – Макбету, еще одному убийце, лишенному сна и терзаемому темными пророчествами, предстояло произнести эти слова, но через много-много лет.

– Да тьфу, возлюбленный. Неужто смекалка и умение титаниды не в силах превзойти этих несуразных демонов сна? Что такого умеют Гипнос с Морфеем, чтобы ублажить твое страдающее тело, утишить мятущийся разум и облегчить раненый дух, чего не смогла бы добиться я – сладостью и теплом собственного изготовления.

– Твои сладкие теплые губы! Твои сладкие теплые бедра! Твоя сладкая теплая...

– Все мое время, нетерпеливый владыка! Начнем с другого – я принесла тебе подарок. Милый юноша поднесет тебе кубок.

Из тени выступил Зевс, сияющая улыбка озаряла его пригожее лицо. Он поклонился и протянул Кроносу изукрашенный камнями кубок, и титан жадно выхватил его.

– Смазливый, ой смазливый. Может, погода и его отведаю, – сказал он, бросив восхищенный взгляд на Зевса и опрокидывая в себя содержимое кубка одним алчным глотком. – Но, Рея, люблю я тебя.

Слишком стемнело, и Кронос не разглядел, что Рея в презрительном недоумении вскинула бровь дугой.

– Ты любишь меня? – процедила она. – Ты? Любишь? Меня? Ты, сожравший всех моих драгоценных детей, кроме одного? Ты смеешь говорить мне о любви?

Кронос удрученно икнул. Его обуревали диковинные ощущения. Он нахмурился и попытался сосредоточиться. Что там Рея говорит? Не может быть, что она его больше не любит. Ум у него сделался еще мутнее, а в желудке забурлило пуще прежнего. Что с ним творится? Ой, она еще что-то такое произнесла. Что-то совсем уж несусветное.

³² У. Шекспир. Макбет. Акт III, сцена 2 / Пер. М. Лозинского. – Примеч. перев.

– В каком смысле, – переспросил он голосом, набрякшим от растерянности и тошноты, – ты сказала, что я съел «всех, кроме одного», из твоих детей? Я съел их *всех*. Отчетливо помню.

Сильный юный голос пронзил ночной воздух, словно хлыст:

– Не всех, отец!

Тошнота накатила пугающей волной, и Кронос потрясенно развернулся глянуть на молодого виночерпия, а тот шагнул из полумрака.

– Кто... кто... кто-о-о-о-о-о-о-о-о?! – Вопрос Кроноса преобразился во внезапный нахлыв неуправляемой рвоты. Из нутра его в единой тяжелой судороге выпал здоровенный камень. Холст, в который камень был когда-то завернут, давно растворился в желудочном соке. Кронос тупо уставился на камень, в глазах плыло, лицо побелело. Но прежде чем он успел понять, на что же он смотрит, его накрыло кошмарным, ни с чем не сравнимым предчувствием, что сообщает всякому, кого тошнит: грядет еще волна. И далеко не последняя.

Зевс проворно скакнул вперед, подобрал отрыгнутый валун и швырнул его далеко-далеко – в точности так же, как Кронос когда-то метнул далеко-далеко детородные органы Урана, и в точности с того же места. Позднее мы узнаем, где тот камень приземлился и что произошло.

Внутри Кроноса смесь из соли, горчицы и рвотного корня продолжили свое выворачивающее наизнанку дело³³. Один за другим Кронос срыгнул всех пятерых проглоченных детей. Первой выбралась Гера³⁴. Следом Посейдон, Деметра, Аид и, наконец, Гестия, и лишь после этого истерзанный титан рухнул в припадке изнуряющей одышки.

Если помните, зелье Метиды включало в себя и немного макового молочка. Оно тут же начало действовать. Испустив последний мощный рокочущий стон, Кронос перекатился на бок и крепко-крепко заснул.

С криком ликования Зевс склонился над храпевшим отцом – подобрать великий серп и нанести *coup de grâce*³⁵. Сейчас он отсечет Кроносу голову одним махом и, торжествуя, вскинет ее высоко, покажет всему миру и тем явит победное зрелище, какое никогда не забудется, а художники станут изображать его до скончания времен. Однако серп, созданный Геей для Кроноса, против него самого не применишь. Каким бы могучим Зевс ни был, он даже поднять его не смог. Попытался вроде, но, казалось, серп словно прирос к земле.

– Гея дала серп ему и лишь Гея способна отнять его, – сказала Рея. – Оставь.

– Но я обязан его убить, – возразил Зевс. – Мы должны быть отомщены.

– Его мать Земля защищает. Не зли ее. Она тебе еще пригодится, когда придет время.

Возмездие впереди.

Зевс бросил попытки сдвинуть серп. Досадно, что обезглавить ненавистного отца, храпевшего как свинья, не получилось, но мама права. Подождет. Слишком многое предстояло отпраздновать.

В звездном свете на горе Офрис Зевс и его пятеро освобожденных братьев и сестер хохотали, топали, вопили и ревели от восторга. Их мать тоже смеялась и хлопала от радости в ладоши – как хорошо, что ее блистательные сыновья и дочери, такие все живые-здоровые и счастливые, наконец-то явились на свет и готовы требовать наследство. Каждый из пятерых спасенных по очереди обнял Зевса, своего младшего, а теперь старшего брата, освободителя и вождя. Они поклялись ему в вечной верности. Вместе они свергнут Кроноса и все его уродливое племя и установят новый порядок...

³³ Зелье готовила Метиды, и было бы мило считать, что слово «эметик» происходит от ее имени, но, по-моему, вряд ли.

³⁴ Хотя по порядку Гера была последней перед Зевсом, ее отныне считали вторым ребенком. Сложилось своего рода обратное старшинство – по мере возникновения из Кроносова нутра. Зевс стал официально старшим из детей, а Гестия, первенец, теперь считалась самой юной. Если вы бог, все вполне сходится.

³⁵ Решающий удар (букв. «удар милосердия», фр.). – Примеч. перев.

Вопреки своему происхождению, называть себя титанами они не будут. Они – *боги*. И не просто какие-то боги, а *единственные*.

Начало Часть вторая

Битва титанов

Кронос лежал навзничь на горе Офрис. Прочие титаны еще не прослышали о том, что Зевс спас своих братьев и сестер, но казалось вероятным, что когда они об этом узнают – отзовутся яростно и свирепо. Под покровом ночи Рея и шестеро ее детей ускользнули прочь и постарались убраться из страны титанов как можно дальше.

Зевс понимал, что война неизбежна. Кронос не успокоится, пока живы его дети, но Зевс не менее решительно вознамерился свергнуть отца. Он слышал у себя в голове, громко, как никогда прежде, звук, знакомый ему с младенчества: тихий настойчивый шепот Мора; тот сообщал Зевсу, что его судьба – повелевать.

Последовавшая кровавая, лютая, разрушительная междоусобица известна среди историков под названием ТИТАНОМАХИЯ³⁶. Пусть основная часть подробностей этой десятилетней войны и не дошла до нас, мы все же знаем, что от жара и ярости, сокрушительной мощи и колоссальной энергии, высвобожденных в битве титанов, богов и чудовищ, горы исторгали огонь, а сама земля содрогалась и трескалась. В тех битвах возникли многие острова и материковые массивы. Смещались и преобразались целые континенты, и мир, каким мы его теперь знаем, во многом обязан своей географией сейсмическим потрясениям – этому буквально потрясающему основы побоищу.

Почти неизбежно, что в прямой схватке объединенные силы титанов оказались бы для их юных противников чересчур могучими. Титаны были мощнее, безжалостнее, неукротимее. Все, кроме сыновей Климены Прометея и Эпиметея, встали на сторону Кроноса, намного превзойдя маленькую группу самозванных богов, восставших против них под предводительством Зевса. Но так же, как Уран дорого заплатил за свой проступок – заточение циклопов и гекатонхейров в утробе Геи, Кроносу пришлось заплатить за свою ошибку – за то, что он упек их в пещеры Тартара.

Мудрая и смекалистая Метида надоумила Зевса спуститься в Тартар и освободить его троих одноглазых и троих сторуких братьев. Зевс предложил им свободу до конца времен, если они помогут победить Кроноса и титанов. Уговаривать не пришлось. Гиганты тоже встали на сторону Зевса и показали себя отважными и неутомимыми воинами³⁷.

В последней решающей битве безжалостная ярость гекатонхейров – не говоря уже об их запасах голов и рук – чудесно сочеталась с бешеной электрической мощностью циклопов, чьи имена, как мы помним, Яркость, Молния и Гром: Арг, Стероп и Бронт. Эти одаренные умельцы вложили свое мастерство в молнии, которые Зевс применил как оружие и научился с ювелирной точностью метать их во врагов, тем расщепляя на атомы. Под его водительством гекатон-

³⁶ Гесиод (VIII в. до н. э.) предлагает нам самый полный доживший до наших дней отчет о событиях, но воспевали их и другие поэты: эпос «Титаномахия», сочиненный в VIII в. Евмелом Коринфским (или, возможно, легендарным слепым поэтом Фамиридом Фракийским), дразнит нас упоминаниями в различных текстах, но сам утрачен. Гесиод описывает эту битву, что потрясла всю землю, так: *Заревело ужасно безбрежное море, Глухо земля застонала, широкое ахцело небо И содрогнулось <...> От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье, Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней. Так они друг против друга метали стеньящие стрелы. Тех и других голоса доносились до звездного неба. Криком себя ободряя, сходились боги на битву.* [Гесиод. Теогония. Стр. 678–686 / Пер. В. Вересаева. – Цит. по.: Эллинистские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. – Примеч. перев.]

³⁷ См. Приложение на с. 517.

хейры поднимали и швыряли с чудовищной скоростью валуны, а циклопы жгли и ослепляли врага световым спектаклем и оглушали кошмарным ревом грома. Сотни рук гекатонхейров сгребали и метали, сгребали и метали в противника бесчисленные камни, словно ополоумевшие мельницы-катапульты, пока, побитые и потрепанные, титаны не попросили о прекращении огня.

Оставим их на время, великие окровавленные головы титанов свешены в полном и окончательном поражении, и на миг отвлечемся на то, что происходило в мире в те жуткие десять лет битвы.

Приумножение

Пламя и пыл войны выжгли, напитали и удобрили землю. Пробилась новая поросль и сотворила в наследство богам свежий зеленый мир.

Как вы помните, Космос когда-то был лишь Хаосом и ничем более. Затем Хаос изрыгнул первые формы жизни, первичных существ – и начала: свет и тьму. С развитием каждого следующего поколения и с возникновением и дальнейшим воспроизводством новых сущностей прирастала и *сложность*. Те древние первобытные стихии-основы преобразились в формы жизни еще большего многообразия, пестроты и изобилия. Рожденные существа обрели изощренные неповторимые личные черты и индивидуальность. Выражаясь компьютерным языком, жизнь словно сделалась двухбитной, затем четырехбитной, далее восьми-, шестнадцати-, тридцатидвух-, шестидесятичетырехбитной и так далее. Каждая следующая итерация производила миллионы, а затем и миллиарды новых разновидностей размеров, форм и, скажем так, *разрешения*. Сложился характер высокого разрешения – как тот, каким мы гордимся в себе, современных людях, – и произошел всплеск того, что биологи именуют *видообразованием*: возникли все новые и новые формы жизни.

Мне нравится представлять первые этапы творения как старомодный телеэкран, на котором происходит одноцветная игра «Понг»³⁸. Помните «Понг»? Два белых прямоугольника вместо ракеток и квадратная точка вместо шарика. Бытие было примитивной, пикселированной разновидностью пинг-понга. За тридцать пять – сорок лет игры эволюционировали до трехмерной графики сверхвысокого разрешения с виртуальной и дополненной реальностью. То же и с греческим Космосом: творение, начавшееся с неуклюжих примитивных очертаний в низком разрешении, преобразилось до насыщенной разнообразием жизни.

Возникли двусмысленные, непоследовательные, непредсказуемые, интригующие и непостижимые твари и боги. Здесь применимо замечание Э. М. Форстера³⁹ о людях в романах: мир двинулся от плоских персонажей к округлым – к развитию личностей, чьи действия способны удивлять. Тут-то и началась потеха.

Музы

Мнемосина (память), одна из первых титанид, родила от Зевса девять очень смысленных и творческих дочек – муз, живших в разное время на горе Геликон (где позднее забил фонтан Иппокрена), на горе Парнас рядом с Дельфами и в фессалийской Пиерии, где журчал Пиерийский родник – метафорический источник всех искусств и наук⁴⁰.

³⁸ Pong (1972) – одна из первых аркадных игр, разработана американским инженером и программистом Алленом Элкорном (р. 1948) для компании «Атари». – *Примеч. перев.*

³⁹ Эдвард Морган Форстер (1879–1970) – английский романист, публицист, биограф, критик; Фрай далее ссылается на работу Форстера *Aspects of the Novel* (1927). – *Примеч. перев.*

⁴⁰ Имя ПИЕРИДЫ также происходит от Пиерии. То были девять сестер, оплошно бросивших вызов музам, за что они и поплатились: их превратили в птиц. Александр Поуп в известных строках из «Опыта о критике» говорит о Пиерии как об

Ныне музы считаются святыми покровительницами искусств в целом и личными источниками вдохновения для отдельных людей. «О если б муза вознеслась, пылая...»⁴¹ – восклицает хор в первой сцене Шекспирова «Генриха V». Мы называем «своей музой» того, кто подогревает в нас творчество и подталкивает к величию. Музы есть в «музыке», «amusements», «музеех» и всяческих «musings»⁴². У. Х. Оден считал, что образ капризной богини, которая шепчет поэту на ухо, точнее всего описывает сводящую с ума ненадежность творческого вдохновения. Бывает, она подсовывает золото, а иногда, перечитав написанное, понимаешь, что она надиктовала тебе совершеннейший шлак. Мать муз, может, и Память, а вот отец у них – Зевс, и его вероломное непостоянство – тема многих дальнейших историй.

Но давайте познакомимся с этими девятью сестрами, каждая – воплощение и покровительница своего самостоятельного жанра в искусстве.

Каллиопа

У КАЛЛИОПЫ довольно бесславная языковая судьба: она – муза эпической поэзии. Каллиопа отчего-то превратилась в паровой орган, какие играют на ярмарках, и, похоже, только там и услышишь ее имя в наши дни. Зато для римского поэта Овидия она была старшей из всех муз. Ее имя означает «прекрасный голос», и она же родила ОРФЕЯ, едва ли не главного музыканта во всей греческой истории. Величайшие поэты, в том числе Гомер, Вергилий и Данте, берясь за масштабные творения, зывали именно к ней.

Клио

Низведенная ныне до модели автомобиля «Рено» и названия конкурса рекламной индустрии, КЛИО, или *Клео* («знаменитая»), была музой истории. Она отвечала за объявление, повсеместное оглашение деяний великих и придание им известности. Старейший дискуссионный клуб в Америке, основанный в Принстоне Джеймсом Мэдисоном, Аароном Бёрром и другими, называется «Клиософское общество» в ее честь.

Эрато

ЭРАТО – муза лирической и любовной поэзии. Ее имя связано с Эротом и эротическим, и в искусстве ее иногда изображают с золотой стрелой – чтобы подчеркнуть эту связь. Ее традиционные символы – горлица и мирт, а также лютня.

Эвтерпа

Муза самой музыки, «восхитительная» и «сладостная» ЭВТЕРПА родила от речного бога СТРИМОНА фракийского царя РЕСА, которому довелось сыграть некоторую роль в Троянской войне. От него ли происходит название макак, от которых, в свою очередь, происходят названия типов человеческой крови⁴³, или нет – пока окончательно не установлено.

источнике всякой мудрости и знания: *И полузнайство ложь в себе таит; Струею утывайся пиерид...* [Александр Поуп (1688–1744) – английский поэт-классицист, критик, философ, переводчик; «Опыт о критике» (1711) – поэма Поупа, ныне источник узнаваемых цитат и афоризмов. Цит. по: Александр Поуп. Поэмы / Пер. А. Субботина. М.: Художественная литература, 1988. – Примеч. перев.]

⁴¹ Пер. Е. Бируковой. – Примеч. перев.

⁴² Увеселения, потехи... размышления, мечтания (англ.). – Примеч. перев.

⁴³ В европейских языках имя этого царя – *Rhesus*. – Примеч. перев.

Мельпомена

Трагическая муза МЕЛЬПОМЕНА (чье имя в переводе с греческого означает «праздновать танцем и песней») изначально воплощала драматический хор, а позднее – весь жанр трагедии, важнейшее сочетание музыки, поэзии, драмы, масок, танца, песни и религиозного торжества. Трагические актеры выступали в обуви на толстой подошве⁴⁴, именуемой *buskin* в английском и «которнос» в греческом⁴⁵; Мельпомену обычно изображают либо облаченной в котурны, либо держащей их в руке, а также, разумеется, в трагической маске с горестно опущенными уголками губ. Вместе с сестрой ее Терпсихорой она породила сирен, чье время еще далеко впереди.

Полигимния

По-гречески «гимнос» означает «восхваление», а ПОЛИГИМНИЯ была музой гимнов, или священных музыки, танцев, поэзии и риторики, а также – несколько неожиданно – сельского хозяйства, пантомимы, геометрии и созерцания. Видимо, сегодня мы бы назвали ее «музой осознанности». Обычно ее изображают довольно серьезной, сосредоточенно размышляющей, с задумчиво приложенным к губам пальцем. Она – еще одна претендентка, вместе с Каллиопой, на звание матери героя Орфея.

Терпсихора

Хозяин сырной лавки: Ой, а я подумал, что вы жалуетесь на бузукиста.

Покупатель: О боже упаси. Я из тех, кто упивается любыми проявлениями терпсихорической музыки.

Этот диалог из бессмертной сценки «Сырная лавка» труппы «Воздушный цирк Монти Питона» познакомил многих – в том числе и меня – с ТЕРПСИХОРОЙ, музой танца.

Талия

Милейшая, веселейшая и самая дружелюбная муза ТАЛИЯ покровительствует комическим искусствам и идиллической поэзии. Ее имя происходит от греческого глагола, означающего «процветать»⁴⁶. Как и ее трагическая противоположность Мельпомена, Талия носит актерскую обувь и маску (эта маска радостно улыбается, само собой), но венки у нее из плюща, а при себе – рожок и труба.

Уrania

Имя УРАНИИ происходит от Урана, первобытного бога небес (и прадедушки девяти сестер); она – муза, покровительствующая астрономии и звездам. А еще ее считают образом Вселенской Любви, греческой разновидностью Параклита – Духа Святого.

⁴⁴ Чтобы добавить актерам роста, а с ним – и метафорической стати.

⁴⁵ В русский язык это слово попало напрямую из греческого – котурны. – *Примеч. перев.*

⁴⁶ Этот же корень, через слово, означающее ярко-зеленый побег [таллом. – *Примеч. перев.*], запечатлен и в названии вещества таллия, любимца детективщиков и преступников-отравителей.

Тройняшки

Трижды три музы напомнили мне познакомить вас еще с несколькими триадами. Гея и Уран породили, как мы знаем, троих гекатонхейров, троих циклопов и четырежды троих титанов. Мы уже познакомились с тремя эриниями, также именуемыми эвменидами, – теми самыми мстительными фуриями, что возникли из пропитанной кровью земли в миг оскопления Урана. Тройка для греков, судя по всему, очень магическое число.

Хариты

В те десять лет, пока происходила титаномахия, какой бы апокалиптической она ни была, Зевс всегда находил время удовлетворить свои желания. Возможно, он усматривал в этом естественное отправление своего долга по заселению земли. Что-то, а естественно отплатить долг Зевс любил.

Однажды взгляд Зевса пал на красивейшую из океанид – ЭВРИНОМУ, дочь Океана и Тефиды. Укрывшись от битв в пещере, Эвринома родила Зевсу трех роскошных дочерей – АГЛАЮ (что означает «великолепие»), ЭВФРОСИНЫЮ, также известную под именем ЭВТИМИИ (радость, веселье, потеха) и ТАЛИЮ⁴⁷ (жизнерадостную). Вместе их называли ХАРИТАМИ, или, на римский манер, ГРАЦИЯМИ. Мы ныне именуем их «тремя грациями», а скульпторы и художники на протяжении всей истории человечества искали повод изобразить их – как воплощенный пример безупречной женской наготы. Их приятный нрав – хоть какой-то противовес жуткой зловредности и жестокости эриний.

Оры

ОРЫ, или Времена, состояли из двух сестринских троен. Эти дочери ФЕМИДЫ (воплощения закона, справедливости и обычая) поначалу олицетворяли времена года. Сперва их, судя по всему, было две – лето и зима: АВКСО и КАРПО. Классическая первая тройка ор сложилась после того, как к ним прибавилась ТАЛЛО (у древних римлян – ФЛОРА), дарительница цветов и цветения, воплощение весны. Ценнейшее свое качество оры унаследовали от матери: дар чутья на верный миг, добрые отношения с природным законом и течением времени, – можно назвать это «божественной своевременностью».

Вторая троица ор отвечала за более приземленные закон и порядок. Их звали ЭВНОМИЯ, богиня законодательства и правопорядка, ДИКЕ, богиня справедливости и нравственных устоев (римский эквивалент – ЮСТИЦИЯ), и ЭЙРЕНА, богиня мира (древнеримская ПАКС).

Мойры

Три МОЙРЫ, или Участи, носили имена КЛОТО, ЛАХЕСИС и АТРОПОС. Эти дочери Никты сидят у прялки: Клото прядет нить – жизнь, Лахесис отмеряет ее длину, а Атропос (необоримая, безжалостная, буквально «бесповоротная») решает, когда пресечь нить и оборвать жизнь⁴⁸. Мне они видятся каргами со впалыми щеками, облаченными в черные лохмотья, сидят они в пещере, прядут, посмеиваются да трясут головами, но многие поэты и скульпторы

⁴⁷ Зовут ее так же, как и музу комедии.

⁴⁸ Атропин, яд, выделяемый мандрагорой и *Atropa belladonna* (смертоносной красавкой), назван в честь этой последней и самой жуткой из трех сестер.

изображали их розовощекими девами, одетыми в белые хламиды, на лицах – застенчивые улыбки. Их имя происходит от слова, означающего «доля» или «удел» в значении «что тебе уготовано; судьба, участь». «Не выпала ей доля быть любимой» или «удел его быть несчастным» – примерно так греки описывают участи или предназначения, какими наделяют мойры. Даже богам приходится подчиняться жестоким решениям судьбы⁴⁹.

Керы

Эти мерзопакостные дочери Никты были коварными и алчными духами насильственной смерти. Как и валькирии в скандинавском и германском мифах, они собирали души воинов, убитых в бою. В отличие от тех благих богинь-воительниц, керы не провожали героические души за наградой в Вальхаллу. Они перелетали от одного окровавленного тела к другому и жадно высасывали текшую из них кровь, а затем, когда труп оказывался выпитым досуха, закидывали его себе за спину и перебирались к следующему.

Горгоны

От первобытного бога моря Понта Гея родила сына ФОРКИЯ и дочь КЕТО. Отпрыски этих брата и сестры – три сестры, обитавшие на островах, – горгоны СТЕНО, ЭВРИАЛА и МЕДУЗА. Шевелюра из шевелящихся ядовитых змей, пылающий впертый взгляд, отвратительные застывшие улыбки, кабаньи клыки вместо зубов, медные лапы вместо рук и когтистые ноги, чешуйчатые золотые тела – достаточно взглянуть на этих чудовищных сестриц, как кровь застывает в венах. Но всякий, кто встретится взглядом с горгоной – лишь на мгновение посмотрит ей в глаза, – буквально превратится в камень, тут же. В английском для этого есть слово *petrified*, что в наше время стало означать «перепугался до смерти».

Духи воздуха, земли и воды

Эти троицы не были единственными заметными существами, возникшими в ту пору. Пока бушевала титаномахия, по всему миру принялись размножаться и осваивать области влияния всевозможные духи. Так и представляешь себе, как они устремлялись к укрытию и трепетали под кустами, вокруг них рассекали воздух молнии и камни, а земля сотрясалась от войны и насилия. Впрочем, эти зачастую хрупкие создания выживали и процветали – и обогащали наш мир своей красотой, самоотверженностью и обаянием.

Возможно, самые известные из них – НИМФЫ, крупный класс мелких женских божеств, поделенный на кланы, или подвиды, согласно их средам обитания. ОРЕАДЫ царили в горах, на холмах и в гротах Греции и ее островов, НЕРЕИДЫ (как и океаниды, от которых они происходят) – обитательницы глубин. НАЯДЫ, их пресноводные сестры, обжили реки, ручьи и потоки текучей воды, тростники, обрамлявшие их, а также речные берега. Постепенно некоторые речные нимфы начали отождествляться с еще более конкретными местами обитания. Появились ПЕГЕИ, приглядывавшие за природными родниками, и ПОТАМИДЫ, обитавшие в реках и вокруг них⁵⁰. На суше за пастбищами и рощами присматривали АВЛОНИАДЫ, а ЛЕЙМАКИДЫ жили на лугах. Среди лесных духов имелись и легкокрылые ДРИАДЫ – и ГАМАДРИАДЫ, древесные нимфы, чьи жизни связаны с деревьями, которые они обжили. Когда дерево

⁴⁹ Позднее греки стали считать мойр дочерьми не Ночи, а Необходимости – АНАНКИ. Мойры очень похожи на норн из скандинавской мифологии.

⁵⁰ ТАГИДЫ были нимфами одной отдельной реки Таг, но, после того как я их упомянул, можно сразу о них забыть, поскольку больше мы с ними не встретимся.

умирало или его срубали, гамадриада умирала вместе с ним. Многие особые лесные нимфы обитали исключительно на яблонях или лаврах. С мелиями, нимфами сладостного маннового ясеня, мы уже познакомились.

Судьба гамадриад показывает, что и нимфы умирали. Они не старели и не поддавались болезням, однако бессмертными оказывались не всегда.

И вот еще что: пока мир природы в своей невероятно бурной манере роскошествовал, резвился и размножался, украшая себя все более чудесными полубогами и бессмертными существами, земля содрогалась и трепетала от насилия и ужаса войны. Но, после того как дым и пыль битв рассеялись, это приумножение обеспечило победителям власть над миром, наполненным жизнью, цветом и характером. Торжествовавшему Зевсу уготовано было наследовать сушу, море и небо, что были насыщеннее тех, при каких он появился на свет.

Верховный владыка и судия всей земли

Зевс решил предпринять все, чтобы поверженные титаны никогда не смогли больше грозить его власти. Сильнейшим и свирепейшим противником в войне оказался не Кронос, а АТЛАНТ, зверски могучий старший сын Иапета и Климены⁵¹. Атлант был в гуще любого сражения, подбадривал собратьев-титанов и призывал еще к одному, последнему, сверхмощному усилию – даже когда гекатонхейры выбили из титанов капитуляцию. В наказание за такую враждебность Зевс обрек Атланта целую вечность держать на плечах небосвод. Таким способом удалось убить сразу двух зайцев. Зевсовы предшественники – Кронос и Уран – вынуждены были тратить прорву сил, чтобы отделять небо от земли. Зевс одним движением освободил себя от этого изнурительного бремени и буквально переложил его на плечи своего самого опасного врага. Титану предстояло тужиться на стыке того, что мы теперь именуем Африкой и Европой, и вся тяжесть неба легла на него. Ноги напряжены, мышцы дыбятся, а могучее тело скрючилось от этого невыносимого мучительного усилия. Целые эпохи стонал он, как болгарский штангист-тяжеловес. Со временем он окаменел и превратился в Атласские горы⁵², что и поныне подпирают небо Северной Африки. Его напряженный, согбенный образ запечатлен на самых первых картах мира, которые мы в его честь до сих пор называем атласами⁵³. По одну сторону от него лежит Средиземное море, а по другую – океан, который по-прежнему именуется в его честь Атлантическим, где когда-то, говорят, процветало таинственное островное царство под названием Атлантида.

Что же до Кроноса – сумрачного несчастного бедолаги, который когда-то был Владыкой Всего, насупленного извращенца-тирана, пожравшего собственное потомство из страха перед пророчеством, – его наказанием, как и провидел выхолощенный им отец Уран, стало бесконечное странствие по миру; ему предстояло коротать вечность в неизбывном, беспредельном, одиноком изгнании. Всякий день, час и минуту надлежало ему считать, ибо Зевс обрек Кроноса подсчитывать саму вечность. Мы видим его повсюду и по сей день, эту изможденную мрачную фигуру с серпом. У него теперь мелкое и унижительное прозвище – «Старик Время», его землистое вытянутое лицо говорит нам о неизбежном и безжалостном тиканье космических часов, что ведут всё и вся к последним дням. Серп взлетает и сечет, как непреклонный маятник. Любая смертная плоть – трава под жестокими взмахами подрезающего острья. Кронос попадаетеся нам во всем «хроническом» и «синхронизированном», в «хронометрах», «хро-

⁵¹ Брат Атланта МЕНЕТИЙ, чье имя означает «проклятая мощь», тоже был чудовищно сильным и устрашающим противником, но Зевс уничтожил его одним из первых своих ударов молнии.

⁵² Другой вариант имени этого титана – Атлас. – *Примеч. перев.*

⁵³ На этих позднейших изображениях, впрочем, титан держит на плечах не небо, а Землю.

нографях» и «хрониках»⁵⁴. Римляне наделили эту насупленную бледную тень поверженного титана именем САТУРН. Он висит в небе между своим отцом Ураном и сыном Юпитером⁵⁵.

Не всех титанов изгнали или покарали. Ко многим Зевс проявил великодушие и милость, а тех немногих, кто встал на его сторону в войне, осыпал наградами⁵⁶. Брат Атланта Прометей был главным среди тех, кто решил сражаться на стороне богов против своих соплеменников⁵⁷. Зевс воздал ему своей дружбой, все больше радуясь обществу юного титана, – пока не пришел день с колоссальными последствиями для человечества, и эти последствия мы ощущаем и поныне. История этой дружбы и ее трагическая развязка вскоре будут изложены.

Во время войны циклопы, как уже говорилось, в знак почтения к Зевсу наделили его оружием, с которым он всегда ассоциируется: молнией. Братья циклопов гекатонхейры, чья громадная мощь обеспечила богам победу, были награждены отправкой в Тартар – но не как узники, а как стражи врат в те немыслимые глубины. Циклопы же сделали личными помощниками, оружейниками и кузнецами у самого Зевса.

⁵⁴ Для некоторых исследователей мифа Кронос (титан) и Хронос (Время) – разные сущности. Мне больше нравятся версии, где это один и тот же персонаж.

⁵⁵ Астрономы, именуя небесные тела Солнечной системы, советуются со знатоками античности. Многочисленные луны Сатурна – Титан, Япет [Иапет], Атлас [Атлант], Прометей, Гиперион, Тефия [Тефида], Рея и Калипсо. А еще у Сатурна есть кольца. Вероятно, они, как древесные кольца, символизируют время. [В квадратных скобках указаны имена соответствующих божеств, как они встречаются в этом издании. – *Примеч. перев.*]

⁵⁶ Некоторые титаниды были очень смазливими, и, как и всякое живое существо, похотливый, страшно возбудимый и склонный влюбляться Зевс уже задумал кое-что, имея в виду одну-двух самых привлекательных.

⁵⁷ Имя Прометей как раз и означает «предусмотрительность» или «предвидение»...

Третье поколение

Сокрушенный мир еще дымился от разгрома войны. Зевс видел, что миру нужно исцелиться, и понимал, что его поколение божеств – третье – должно править лучше, чем это удалось первым двум. Пришла пора нового порядка – такого, в котором нет места разорительной кровожадности и стихийному зверству, какие отличали былые времена.

Победителям – трофеи. Как директор компании, только что завершившей рейдерский захват, Зевс желал устранить старых управленцев и посадить на их места своих людей. Каждому брату и сестре он определил владения – область божественной ответственности. Президент Бессмертных набирал кабинет министров.

Себе самому он отвел место верховного командования – назначил себя первым вожаком и императором, повелителем небесной тверди, хозяином погод и бурь: Владыка богов, Отец-небо, Пастырь туч. Громы и молнии были у него в подчинении. Орел и дуб – его символы, они, как и прежде, воплощают свирепую красу и необоримую силу. Его слово – закон, его власть устрашающе велика. Но Зевс был небезупречен. Очень, *очень* небезупречен.

Гестия

Из всех богов Гестия – «первая, кого поглотили, и последняя, кого освободили»⁵⁸, – видимо, наименее известна нам; вероятно, все потому, что сфера влияния, которую Зевс в мудрости своей определил ей, – домашний очаг. В наш менее общинный век центрального отопления и отдельных комнат для каждого члена семьи мы не придаем очагу того значения, каким наделяли его наши предки – и греки, и все прочие. Но даже для нас это слово означает нечто большее, чем просто камелек. Мы говорим «дом и очаг». Английское слово *hearth* имеет то же происхождение, что и *heart*⁵⁹, так же, как и в греческом слово «очаг» – *кардиа*, а оно, в свою очередь, означает и «сердце». В Древней Греции более широкое понятие очага и дома обозначалось словом *ойкос*, которое дожило до нас, например, в словах «экономика» и «экология». Латинский эквивалент слову «очаг» – *фокус*, и оно говорит само за себя. Странное и удивительное это дело – как из слова, обозначающего место для огня, мы породили слова «кардиолог», «глубокий фокус» и «экоборец». Ключевое значение средоточия, которое связывает их все, вскрывает и громадную значимость очага для греков и римлян, а следовательно, и важность Гестии, его богини-покровительницы.

Отвергая предложения супружества, Гестия приняла на себя обет вечного целомудрия. Спокойная, умиротворенная, добрая, гостеприимная и домашняя, она держалась подальше от повседневных драчек за власть и политических козней прочих божеств⁶⁰. Скромная богиня, Гестия обычно изображается в простом платье, протягивает пламя в чаше или сидит на грубой шерстяной подушке, на незатейливом деревянном троне. В Древней Греции было принято возносить ей хвалу перед каждой трапезой.

Римляне, назвавшие ее ВЕСТОЙ, считали эту богиню столь важной, что существовала школа жриц, посвященных ей, – речь о знаменитых девах-весталках. В их обязанности, помимо пожизненного целомудрия, входило постоянное поддержание огня, символизирующего Весту. Они были первыми хранительницами священного пламени.

⁵⁸ *Kerényi Károly. Die Heroen der Griechen (Карой (Карл) Кереньи. Герои греков, 1958). – Примеч. перев.*

⁵⁹ Очаг... сердце (*англ.*). – *Примеч. перев.*

⁶⁰ Гостеприимство, или *ксения*, было чрезвычайно почитаемо у греков, и потому заботу о нем Гестия делила с самим Зевсом, которого иногда именовали Зевсом Ксением. Боги время от времени проверяли «дружелюбие к гостям» у людей, как мы еще узнаем из истории Филемона и Бавкиды. Это явление называли *теоксенией*. *Ксенофобы*, разумеется, руку дружбы чужакам не протягивают...

Можно догадаться, что увлекательных историй об этой милой и приятной богине мало-мало. Я знаю только одну, которой вскоре и поделюсь. Само собой, Гестия выпутается из нее без потерь.

Лотерея

Далее Зевс занялся своими сумрачными беспокойными братцами – Аидом и Посейдоном. В войне с титанами они оба проявили себя с равным мастерством, отвагой и хитростью, и Зевс счел, что справедливо будет, если Аид с Посейдоном вытянут жребий и поделят между собой пока не занятые море и преисподнюю.

Вы помните, что Кронос подмял под себя все в море, а также все, что над и под ним, отобрав власть у Талассы, Понта, Океана и Тефиды. Теперь Кроноса устранили, и царство соленой воды оказалось во власти Зевса. Преисподней же, включая Тартар, таинственные Асфоделевые луга (о них – позже) и подземную тьму, повелевал Эреб, и настало время им перейти в руки единого покровительствующего божества – из Зевсова поколения.

Аид и Посейдон друг друга недолюбливали, и когда Зевс сначала спрятал руки за спиной, а затем выставил вперед сжатые кулаки, братья помедлили. В случае братской неприязни один обычно хочет того, чего хочет другой.

«Море себе хочет Аид или преисподнюю? – размышлял Посейдон. – Если преисподнюю, я тоже ее хочу – просто чтобы его позлить».

Аид думал в том же ключе. «Что бы ни досталось, – говорил он себе, – воскликну восторженно, лишь бы досадить этому гаденышу Посейдону».

В каждом кулаке у Зевса было сокрыто по драгоценному камню: сапфир, синий, словно море, – в одном и кусочек гагата, черного, как Эреб, – в другом. Посейдон, коснувшись правой руки Зевса и увидев в раскрытой ладони мерцавший синий сапфир, на радостях сплясал джигу.

– Океаны – мои! – взревел он.

– Это значит... *да!* – завопил Аид, салютуя кулаком. – Это значит, что моей будет преисподняя! Ха-ха!

Но где-то внутри у него все сникло. Боги – они ну совсем как дети.

Аид

То был последний раз, когда Аида видели смеющимся. Отныне всякое веселье и радость покинули его. Вероятно, обязанности Владыки преисподней постепенно подточили юношеский задор и легкость, какие когда-то были у Аида.

Отправился он в глубины, подгрести под себя свои владения. И пусть имя его вечно будет связано со смертью и загробной жизнью, а весь мир преисподней (прозываемой в его честь) – с болью, карой и беспредельным страданием, Аид еще стал символом богатства и роскоши. Самоцветы и драгоценные металлы, что добываются из недр земных, и необходимейшие урожаи зерна, овощей и фруктов, что вызревают в почвах, напоминают нам, что из распада и смерти рождаются жизнь, изобилие и богатство. Римляне прозвали Аида ПЛУТОНОМ, и слова «плутократ» и «плутоний» – отголосок роскоши и мощи⁶¹.

В личное подчинение к Аиду попали Эреб и Никта, а также их сын Танатос (сама Смерть). В преисподней имелась система рек со своими божествами, слишком мрачных и страшных для открытого воздуха. Главная – Стикс (ненависть), дочь Тефиды и Океана, чье имя и «стигийские» черты вспоминаются и по сей день, когда нужно описать что-нибудь темное, угрожаю-

⁶¹ Иногда попадаете имя ДИТ (от латинского слова, означающего «богатый»), применяемое к Аиду или его иудеохристианскому потомку ЛЮЦИФЕРУ. Данте в «Аду» называл Дитом столицу Ада. Сегодня это слово вспоминают лишь затейники – составители кроссвордов.

щее и мрачное, что-нибудь адски черное и угрюмое. В Стикс впадали ФЛЕГЕТОН, пылающая река огня, АХЕРОН, река скорби, ЛЕТА, воды забвения, и КОКИТ – поток плача и стенания. Брата богини Стикс Харона назначили паромщиком, и покамест он ждал, опершись на шест, у берега реки Стикс. Он грезил, как однажды души целыми тысячами начнут стекаться на берега его реки и платить ему за перевоз. Этот день грядет.

Фуриям – рожденными из земли эриниям – Аид отвел в своих владениях место в самой темной сердцевине. Оттуда эта троица могла летать в любой уголок мира и вершить возмездие над преступниками, падшими достаточно низко, чтобы заслужить внимание эриний.

Со временем Аид завел себе питомца – исполинскую змеехвостую собаку о трех головах, отпрыска той чудовищной парочки, порожденной Геей и Тартаром, – Ехидны и Тифона. Звали пса КЕРБЕРОМ (но и на свое римское имя ЦЕРБЕР он тоже откликался). Кербер – тот самый адский пес, устрашающий неутомимый страж и хранитель преисподней.

У озера Лерна – одного из врат в преисподнюю – Аид разместил ГИДРУ, еще одно исчадие Тартара и Геи. Я уже говорил о кошмарных мутациях, какие случаются в парах у чудищ, и разница между Кербером и его сестрицей Гидрой – показательный пример. С одной стороны, пес с более или менее сообразным количеством голов – тремя – и изящным змеиным хвостом, каким можно вилять, а с другой – его сестра, многоглавая водяная тварь, которую почти невозможно убить. Отрубишь одну голову – она отращивает еще десять на том же месте.

Вопреки этим зоологическим непотребствам Аид пока был спокойным краем, и правил им бог, которому почти нечего делать. Чтобы в аду стало поживее, нужны были смертные. Создания, которые умирают. А потому оставим Аида на некоторое время, пусть сидит на своем холодном адском троне и супится, столь же негостеприимный, ледяной и далекий, как планета, носящая его имя⁶², и втайне клянет судьбу, что подарила власть над морями его ненавистному братцу.

Посейдон

Посейдон – совсем не такой бог, как Аид. Он бывал груб, буен, тщеславен, капризен, непоседлив, беспокоен, жесток и непостижим, как и океаны в его власти. Но бывал и предан – и благодарен. Подобно своим братьям и некоторым сестрам, он тоже склонен был к неутолимой похоти, глубокой духовной любви и всем остальным чувствам в промежутке. Как и все боги, он жаждал обожания, жертв, послушания и восхваления. Один раз друг – друг навеки. Однажды враг – враг навсегда. И Посейдон стремился к большему, чем огненные жертвоприношения, возлияния и молитвы. Он не спускал алчных, завистливых глаз с самого младшего из братьев, того самого, который теперь представлялся «старшим» и «владыкой». Коли понаделает Зевс слишком много ошибок, Посейдон будет тут как тут – и сшибет его с трона.

Циклопы, сотворив для Зевса огненные стрелы-молнии, создали могучее оружие и для Посейдона – трезубец. Этой громадной трезубой острой можно было нагонять приливную волну или закручивать водовороты – и даже сотрясать землю, за что Посейдон получил прозвище Колебатель Земли. Страсть к сестре Деметре вынудила его изобрести лошадь – чтобы впечатлить и ублажить Деметру. Страсть ушла, а лошадь навеки осталась для Посейдона священной.

В глубинах того, что мы ныне зовем Эгейским морем, Посейдон выстроил из кораллов и жемчугов громадный дворец, где поселился со своей спутницей АМФИТРИТОЙ, дочерью Нерея и Дориды или (по некоторым сведениям) Океана и Тефиды. Свадебным подарком Амфитриде от Посейдона стал самый первый дельфин. Амфитрита родила Посейдону сына

⁶² Или же «карликовая планета», какой ее теперь неуважительно считают. Луны Плутона – Стикс, Никта, Харон, Кербер и Гидра.

ТРИТОНА, некое подобие русала, которого обычно изображают сидящим на собственном хвосте: он наигрывает, раздув щеки, на здоровенной морской раковине. Амфитрита, по правде говоря, была, похоже, довольно невыразительной, и мелькает в совсем немногих занимательных историях. Посейдон почти все время гонялся за совершенно неисчислимым сонмом красивых дев и юнцов; от первых он народил еще большую орду чудищ, полубогов и людей-героев, назовем лишь парочку – Перси Джексона⁶³ и Тесея.

Древнеримский эквивалент Посейдона – НЕПТУН, чья исполинская планета окружена лунами, среди которых упомянем Талассу, Тритона, Наяду⁶⁴ и Протея⁶⁵.

Деметра

Далее божественными обязанностями наделили Деметру. Волосы цвета зрелой пшеницы, кожа – как сливки, глаза – синее васильков; она была роскошно красива, будто греза, как и положено любой богине, за исключением... ну, вопрос о том, кто был самой красивой богиней, – вообще едва ли не самый трудный, коварный и в конечном счете чреватый катаклизмами.

Такой обворожительной была Деметра, что привлекла к себе непрощенное внимание обоих братьев – и Зевса, и Посейдона. Чтобы улизнуть от последнего, она превратилась в кобылу, а он, чтобы нагнать ее, сделался жеребцом. Плодом этого союза стал жеребенок АРИОН, выросший в бессмертного коня, наделенного волшебным даром речи⁶⁶. От Зевса Деметра родила дочь ПЕРСЕФОНУ, чья история ждет нас впереди.

Зевс поручил Деметре ответственность за урожаи, а также даровал покровительство росту всего живого, плодovitости и смене времен года. Римляне звали ее ЦЕРЕРОЙ, и от этого имени происходит слово *cereal*⁶⁷.

Как и Гестия, Деметра – из тех божеств, что запечатлелись в людской памяти слабее, чем другие ее пылкие и харизматичные родичи. Но, как и царство Гестии, владения Деметры имели колоссальное значение для греков: храмы и поклонение ей продержались дольше посвященных более броским с виду богам. Одна замечательная история о Деметре, ее дочери и боге Аиде поражает воображение, насыщена событиями, многозначительна и правдива.

Гера

Гера выбралась из Реи предпоследней⁶⁸. Эпитеты, применяемые к Гере по сей день, – «гордая», «властная», «ревнивая», «высокомерная» и «злопамятная». В искусствоведческих разговорах ее частенько награждают тремя неприятными эпитетами с составной частью «-образная»: «статуеобразная», «рубенсообразная» и, по ее римскому имени, «юнонообразная».

⁶³ Главный герой серии фантастических романов «Перси Джексон и олимпийцы» американского писателя Рика Риордана (р. 1964), первые два романа были экранизированы. – *Примеч. перев.*

⁶⁴ Что странно, поскольку наяды, понятно, были пресноводными нимфами, в отличие от морских nereид и океанид. Возможно, астрономы в этом случае забыли потолковать с античниками, прежде чем раздавать имена.

⁶⁵ ПРОТЕЙ, оборотень-старик из моря, пас морских чудищ и знал много всякого. Чтобы добыть у него сведения, нужно было побороть его, а это непросто, поскольку, что досадно, он умел быстро превращаться во всякое разное – от ящерицы до ягуара, от дельфина до долгонога. Такую изворотливость мы ныне именуем протейской.

⁶⁶ Не путать с поэтом-песенником Арионом, с которым мы еще познакомимся.

⁶⁷ [Злак, каша (*англ.*)]. – *Примеч. перев.*] *Де-метра* часто переводится как «мать ячменя» или «мать зерна», хотя сейчас считается, что, скорее всего, это имя исходно означало «мать-земля», и тем подчеркивалось, сколь всеохватно поколение Зевса отобрало brazды правления у Геи.

⁶⁸ Анаграмматически Rhea получается из Neга – по крайней мере, мне так слышно [*англ. heag*. – *Примеч. перев.*], но гонять сего зайца [*англ. hare*. – *Примеч. перев.*] незачем.

Судьба и память поколений оказались к Владычице небесной жестоки. В отличие от Афродиты или Геи у Геры нет планеты, названной в ее честь⁶⁹, и ей приходится мириться с репутацией богини скорее реактивной, чем активной, а все – из-за беспутности ее мужа-брата Зевса.

Вольно ж нам относиться к Гере как к тирану и зануде – ревнивой и подозрительной, скандалистке и брюзге, самому воплощению сердитой бабищи (так и воображаешь себе, как она мечет фарфоровые статуэтки в бестолковых клеветов), что настагает своим злобным возмездием нимф и смертных, которые ей не угодили – спалили недостаточно животных у нее на алтаре или, что хуже всего, совершили преступление, сойдясь с Зевсом (желали они того или нет, она никогда не прощала их и злиться могла не одну жизнь подряд). Но при всей ее несомненной заносчивости, спеси, зашоренной приверженности иерархиям и нетерпимости к яркому и дерзкому – архетип многих тетушек в литературе и вдовствующих герцогинь в кино⁷⁰ – занудой Гера уж точно не была. Свирепость и решимость, с какими она шла против бога, способного испепелить ее одним ударом молнии, показывают и уверенность в себе, и отвагу.

Я ее очень люблю; и пусть в ее присутствии я, несомненно, заикался бы, краснел и судорожно сглатывал, она всегда найдет во мне приверженного поклонника. Гера придавала богам стать, вес и бесценное свойство, которое римляне именовали *аукторитас*⁷¹. Если из-за этого кажется, будто Гера портит всю малину, что ж, иногда малину необходимо портить, а детей отзывать из малинника в дом. Ее владения – супружество, а животные, которые обычно с ней связаны, – павлин и корова.

За время войны с титанами у Геры с Зевсом сложился естественный союз, и Зевсу стало очевидно, что лишь у Геры достанет личной мощи, достоинства и властности, чтобы сделаться его супругой и рожать ему новых богов.

Хоть и искрил этот брак от напряжения, раздражения и недоверия, получился он тем не менее замечательным.

Новый дом

Зевсово желание начать новую эпоху, по-новому обустроить Космос, предполагало не только упрощенное распределение полномочий и обязанностей среди сестер и братьев. Зевс представлял себе нечто более просвещенное и разумно устроенное, чем кровавые лютые тирании былого.

Он прозревал собрание двенадцати главных богов – *додекатеон*, как сам он по-гречески это именовал⁷². Пока мы познакомились с шестью – детьми Кроноса и Реи. Существовало и еще одно божество, которое можно было призвать, старше их всех – рожденная из пены Афродита. Когда разразилась титаномахия, Зевс забрал Афродиту с Кипра, осознавая, какая это ценность, – а ну как ее похитят, возьмут в заложники или перетянут на свою сторону титаны.

⁶⁹ Не стоит забывать, что Гея – тоже планета: это наш с вами родной мир. Латинизировали ее как Теллус или Терра Матер, на саксонский же манер она Earth (созвучно германской богине Эрде, она же Эрда, Ёрд или Урд).

⁷⁰ Я бы предположил, что Мари Дресслер, леди Брэкнелл и тетя Агата – назовем для примера лишь трех – ведут свое происхождение от Геры. [Мари Дресслер (Лейла Мари Кёрбер, 1868–1934) – американская звезда комедийного кино со времен немого кинематографа, снималась в т. ч. с Чарли Чаплином, во многих фильмах выступает в амплу вздорных и властных дам. Леди Брэкнелл – героиня пьесы Оскара Уайлда «Как важно быть серьезным» (1895), вздорная и властная дама. Тетя Агата – героиня многих романов П. Г. Вудхауса о Дживзе и Вустере, тетка Берти Вустера, вздорная и властная дама. – *Примеч. перев.*]

⁷¹ Производное от *лат.* *auctoritas*, в русскоязычных источниках обычно «авторитас». – *Примеч. перев.*

⁷² С тех пор как Зевс принял то решение, число двенадцать, похоже, обрело важные свойства. Оно делится на два, три, четыре и шесть, само собой, а потому вдвое более сложное, чем нелепое десять. Дюжина по-прежнему с нами в зодиаке, в количестве часов дня, в месяцах, дюймах и пенни (в смысле, когда я был мальчиком, в шиллинге было двенадцать пенсов), не говоря уже о коленах Израилевых, апостолах Христовых, рождественских днях и азиатских двенадцатилетних циклах. Это двенадцатеричный мир.

И вот так последние десять лет довольная Афродита прожила среди богов, и сделалось их семеро⁷³.

Титаны когда-то обжили гору Офрис, а теперь и Зевс выбрал место для своей штаб-квартиры – гору Олимп, высочайший пик Греции. Он и его боги прославятся как ОЛИМПИЙЦЫ и править будут так, как до них не правили никакие божества.

Недомерок

Когда боги перебирались на олимп, Гера была на сносях. Довольнее некуда. Она желала нарожать Зевсу детей такой великой мощи, силы и красоты, что ее место Владычицы неба закрепилось бы за ней навеки. Она знала, что у Зевса блудливый глаз, и решительно настроилась пресекать блуд всех прочих частей его тела. Первым она родит величайшего из всех богов – мальчика, которого назовет ГЕФЕСТОМ, и тогда Зевс уже чин чином женится на ней и навсегда окажется в ее власти. Таков был Герин замысел. Замыслы бессмертных, впрочем, уязвимы для жестоких выходов Мора – как и замыслы смертных.

Когда пришел срок, Гера возлегла, и родился Гефест. К ее ужасу, ребенок оказался таким чернявым, уродливым и мелким, что, лишь глянув на него с отвращением, она схватила его и швырнула с горы. Прочие боги наблюдали, как вопящее дитя упало на скалы и исчезло в море. Воцарилась жуткая тишина.

Мы вскоре узнаем, что приключилось с Гефестом дальше, но пока давайте останемся на Олимпе, где Гера чуть погодя вновь забеременела от Зевса. На сей раз она очень следила за собой, ела здоровую пищу и делала зарядку – осторожно, однако регулярно, в полном соответствии с предписаниями и практическими советами для беременности и родов. Ей хотелось *подобающего* сына, а не какого-то недомерка на выброс.

Это война

В свой срок Гера, само собой, родила любострастное, сильное и красивое дитя, какое себе и желала.

АРЕС, как она поименовала его, с самого начала был драчливым, свирепым и нахрапистым мальчиком. Он нарывался на ссоры со всеми и думал лишь о сшибках оружия и лошадей, о колесницах, копьях и боевых искусствах. Зевс, невзлюбивший его сразу, назначил Ареса, естественно, богом войны.

Арес – МАРС у римлян – был, конечно, недалек, фантастически туп и лишен воображения, ибо, как всем известно, война – дело дурацкое. Тем не менее даже Зевс снисходил до неохотного согласия, что Арес – приобретение, Олимпу необходимое. Война, может, и неумная штука, но при этом неизбежная, а временами – дерзнем ли сказать? – необходимая.

Арес быстро возмужал и обнаружил, что неотвратимо тянется к Афродите – а кто из богов не тянулся к ней? Куда страннее, наверное, другое: она в ответ тянулась к Аресу. Более того – она его любила: его свирепый нрав и сила затрагивали что-то в ее глубинах. Арес тоже влюбился в нее – уж насколько подобные буйные грубияны способны на такое чувство. У любви и войны, Венеры и Марса, всегда возникает сильное родство. Никто не понимает толком, с чего бы, однако на попытках найти ответ заработана прорва денег.

⁷³ Боги были – если вдуматься – племянниками и племянницами Афродите: они родились от Кроноса, а Афродита возникла из семенной жидкости Урана.

Заколдованный трон

Чтобы закрепить свое положение повсеместно признанной Владычицы неба и бесспорной спутницы Зевса, Гера сочла необходимым устроить грандиозный свадебный пир, масштабную публичную церемонию, которая навеки затянет их с Зевсом брачный узел.

Почти все действия Геры направляла двойная страсть – собственничество и тщеславие. Ей приятно было видеть, что сын влюбился в Афродиту, однако богине этой она не доверяла. Если Афродита согласится прилюдно подтвердить свою преданность Аресу, как, предполагалось, сделает Зевс по отношению к Гере, тогда все будет чинно и официально и победа Геры станет окончательной. Первая свадьба в мире, таким образом, торжественно отметит сразу два супружества.

Назначили дату, разослали приглашения. Начали прибывать подарки, и самым зрелищным, по всеобщему согласию, оказался золотой трон, адресованный лично Гере. Свет не выдал такого великолепного и роскошного предмета. Кем бы ни был анонимный даритель, у него или у нее, объявила Гера, очевидно, утонченный вкус. Довольно улыбаясь, она опустилась на трон. В тот же миг подлокотники его ожили и свернулись внутрь, заключив Геру в тугие объятия. Как ни пыталась она вырваться, подлокотники смыкались вокруг нее; Гера попала в ловушку. Вопила она страшно.

Калека

Что случилось с Гефестом после того, как его сбросили с небес, – предмет сомнений, разногласий и пересудов. Одни говорят, что за малышом-богом ухаживала океанида Эвринома, либо титанида Тефида, мать Эвриномы, либо, возможно, ФЕТИДА, nereида (дочь Нерея и Дориды), которой много лет спустя предстояло родить АХИЛЛА. Впрочем, судя по всему, бесспорно то, что Гефест вырос на острове Лемнос, где научился ковать и создавать изысканные и изощренные штуки. Он почти сразу явил замечательный талант творить полезные, красивые и даже магические предметы, и сей дар – вместе с силой Гефеста, какую тот применял к мехам, а также с очевидной неуязвимостью перед ожогами в пылающем жару у горнила, – помог ему стать величайшим кузнецом на свете.

От удара о склон горы Олимп Гефест повредил стопу и охромел навсегда. Неловкая походка, слегка перекошенное лицо и спутанные черные кудри – довольно жуткое зрелище. Впрочем, позднее оказалось, что он преданный и добрый, а нрав у него неунывающий и спокойный. В греческом мифе пруд пруди малышей, брошенных в глуши или оставленных умирать на вершине горы, – бывало, из-за какого-нибудь пророчества, что малютка вырастет и навлечет неприятности на головы родителей, племени или города, бывало и так, что ребенка считали проклятым, уродливым или калекой. Подобные изгои, похоже, всегда выживали и возвращались, чтобы исполнить пророчество или заявить о своих правах.

Гефест стремился вернуться на Олимп – он знал, что там по праву его дом, но понимал, что без горечи и с открытым сердцем ему это не удастся, пока не позволит он себе один взвешенный жест мести, который докажет силу его личности, его право на божественность и послужит ему визитной карточкой на небесах.

И вот Гефест выучился ремеслу, раскачал меха, его прыткий и ловкий ум родил затею, а прыткие и ловкие пальцы воплотили ее в поражающую воображение действительность.

Рука Афродиты

Прикованная к золотому трону, Гера выла от ярости и бессилия. Ни ее мощь, ни возможности самого Зевса не смогли освободить ее от этого проклятия. Как ей звать бессмертный мир на пиршество, если сама она будет восседать, словно преступница, в колодках? Несуразица, потеря достоинства. Над ней станут потешаться. Что за волшебство тут действует? Кто сотворил это? Как ей освободиться от чар?

Бедняга Зевс под канонаду ее вопросов и жалоб обратился за помощью к другим богам. Тот, кто сумеет освободить Геру, возвестил он, получит руку Афродиты в супружестве, а это величайший на свете матримониальный дар.

Ареса этот безапелляционный вердикт откровенно вывел из себя. Это *он* собирается жениться на Афродите, что непонятно?

– Угомонись, – велел Зевс. – Ты сильнее всех богов, вместе взятых. Твоему союзу ничто не угрожает.

Афродита тоже не сомневалась и словами ободрения подталкивала возлюбленного к делу. Но никакие Аресовы усилия тянуть, пихать и клясть трон на чем свет стоит не увенчались успехом. Более того, казалось, чем больше он пыжится, тем туже хватка трона. Посейдон тоже (хоть уже и была у него подруга – Амфитрита) предпринял вдохновенную попытку, но и она ни к чему не привела. Даже Аид выбрался из преисподней – приложить руку к освобождению Геры от ее все более постыдной участи. Втуне.

Зевс лихорадочно, однако без всякого толку, дергал за подлокотники и выносил все больше оскорблений от униженной и взбешенной Геры, и тут во всей этой неразберихе раздалось вежливое, но настойчивое покашливание. Собравшиеся боги обернулись.

С тихой улыбкой на перекошенном лице стоял посреди небесного зала Гефест.

– Привет, мама, – сказал он. – Что-то не ладится?

– Гефест!

Он захромал вперед.

– Насколько я понял, назначено какое-то вознаграждение?..

Афродита потупилась, прикусив губу. Арес зарычал и подался вперед, но Зевс придержал его. Остальные боги расступились, пропуская маленького уродца, и тот поковылял туда, где сидела в узилище золотого трона Гера. От одного прикосновения его пальцев подлокотники трона разжали хватку и освободили Геру⁷⁴. Она встала, разгладила и одернула платье, всем своим видом сообщая, что положение было в ее власти от начала и до конца. Афродита вспыхнула. Как же так!

То был миг сладостного возмездия Гефеста, однако его глубинно благая натура не позволила ему злорадствовать. Вопреки – а может, и благодаря – припадкам чувства отверженности, какие он претерпевал всю жизнь, не гнев им двигал и не обида, а лишь желание порадовать, принести пользу и убажить. Он понимал, что безобразен, и знал, что Афродита его не любит. Понимал и то, что, заяви он свое право на этот приз, она предаст его и будет то и дело прыгать в койку к его братцу Аресу. Гефест ликовал, что вернулся домой, этого достаточно.

Что же до Геры... Та отнюдь не признала, что это расплата за жестокое и противоестественное материнское предательство, и хранила высокомерное ледяное молчание. Все лучшее, что в ней было, втайне гордилось своим старшеньким, и со временем она искренне полюбила его – как все остальные олимпийцы.

⁷⁴ Здесь нам явлен важный принцип, и мы с ним еще не раз столкнемся: ни один бог не способен отменить чары, преобразования, проклятия или волшебство другого.

Гефест еще понаделает подарков и Афродите, и всем богам и покажет себя достойным членом божественной дюжины. Под кузницу ему дали целую горную долину. Та кузница станет величайшей и самой продуктивной мастерской на свете. В помощники себе он взял циклопов, а те и сами были, как мы уже убедились, мастерами высочайшего уровня. Они учили его тому, чего пока не умел Гефест, и все вместе, работая под его началом, сотворили замечательные предметы, которые впоследствии изменили мир.

Гефест – бог огня и кузнецов, ремесленников, скульпторов и металлургов – обжился дома. Его римское имя – ВУЛКАН, оно запечатлено в «вулканах» и «вулканизированной резине»⁷⁵.

Свадебный пир

Разлетелись свежие приглашения на свадьбу Зевса и Геры, поспешно дополненные и женитьбой Афродиты и Гефеста. Все приглашенные на двойную свадьбу подтвердили явку – с восторженной радостью. Ничего подобного в Мироздании пока не происходило, но и Мироздание доселе не видывало богини, похожей на Геру, со всем ее собственничеством и неукротимым стремлением к порядку, церемонности и семейному достоинству.

Нимфы деревьев, рек, ветерков, гор и океанов неделями напролет только об этой свадьбе и говорили. Лесные обитатели – похотливые фавны, а также крепкие шероховатые дриады и гамадриады – тоже отправились к Олимпу из всех лесов, рощ и чащ. В честь брачной церемонии Зевс даже простил некоторых титанов. Не Атланта, конечно, и не давно изгнанного Кроноса, однако самых безобидных и наименее лютых – Иапета и Гипериона, среди прочих, – помиловали и вернули им свободу.

Чтобы подбавить задора и без того лихорадочно ожидаемому торжеству, Зевс объявил состязание: кому удастся изобрести лучшее и самое необычное свадебное блюдо, тот сможет просить о любой услуге – у самого Зевса. Бессмертные рангом пониже, а также звери с ума посходили от возбуждения: замечательная возможность блеснуть. Мыши, лягушки, ящерицы, медведи, бобры и птицы насобирали рецептов и принесли их Зевсу и Гере. Были там торты, булки, пирожные, супы, террины из шкуры угря, каши из мха и плесени. Все сладкое, соленое, горькое, кислое и пряное разместилось на небольших помостах – на пробу Владыке, Владычице и всем богам.

Но сначала состоялось бракосочетание. Первыми женились Афродита и Гефест, следом Гера и Зевс. Службу с очаровательной простотой провела Гестия: помазав всех четверых благовонными маслами, она кадила душистый дым и пела глубоким музыкальным голосом гимны семейного союза, служения и взаимного почтения. Семья и гости взирали, многие шмыгали носами и смаргивали слезы. Фавн, бестактно ляпнувший между подавленными всхлипами, что Афродита с Гефестом – чарующая пара, получил быстрый злой пинок под зад от полыхавшего негодованием Ареса.

После официальной части пришло время определить победителя великого кулинарного конкурса. Зевс с Герой не спеша прохаживались вдоль помостов, обнюхивали, тыкали пальцами, ощупывали, пробовали, пригубливали и облизывали все предложенные творения, как заправские ресторанные критики. Участники стояли по ту сторону столиков, затаив дыхание. Когда Зевс одобрительно кивнул пружинившему желе из гибискуса, жуков и грецких орехов, его создательница – юная цапля по имени Маргарита – взбудораженно вскрикнула и тут же рухнула в обморок.

⁷⁵ Планета Вулкан и ее народ – в том числе и капитан Спок – с нашим Вулканом не связаны, насколько мне известно. Римляне иногда прозывали Вулкана МУЛЦИБЕР, литейщик, в признание его способности размягчать металл для работы – или же утишать гнев вулканов.

Но приз достался не ей. Победило с виду скромное подношение застенчивого созданыца по имени МЕЛИССА. Она предложила богам малюсенькую амфору, наполненную почти до краев липкой тянучкой янтарного оттенка.

– Ах да, – сказал Зевс, макая палец и всезнающе одобрительно кивая. – Сосновая смола⁷⁶.

Но не сосновая смола была в том горшочке, а нечто совсем иное. Нечто новое. Нечто клейкое, но не вязкое, тягучее, но не застойное, сладкое, но не приторное – и душистое, с ароматом, от которого все чувства бесновались от удовольствия. Мелисса назвала это «мёд». Гере, когда съела она ложку этого вещества, показалось, что дух великолепнейших полевых цветов и горных трав танцует и напевает прямо у нее во рту. Зевс облизнул тыльную сторону черпала и замычал от удовольствия. Муж с женой глянули друг на друга и кивнули. Можно было дальше не совещаться.

– Кхм... хм... уровень в этом году... оказался достойным, – сказал Зевс. – Все молодцы. Но мы с владычицей Герой единокорны. Этот... ах... мёд – первое место.

Все остальные создания, стараясь скрыть расстройство, изобразили бурную радость и образовали полукруг, а Мелисса двинулась вперед получать награду – исполнение желания, которое обещал Владыка всех богов самолично.

Мелисса была крошкой, а пока перемещалась к возвышению для победителя, показалась еще мельче. Она подлетела (ибо умела летать, вопреки тому, что казалась слишком громоздкой и пухлой не там, где надо) к лицу Зевса как осмелилась близко и прожужжала ему вот такие слова:

– Государь, я рада, что тебе понравилось мое лакомство, но должна сказать, что творить его невероятно трудно. Приходится летать с цветка на цветок и собирать нектар на каждом. Впитать и перенести можно лишь самую малость. Весь день, пока Эфир дарует мне свет, при котором можно видеть, я вынуждена собирать, искать и возвращаться в гнездо, собирать, искать и возвращаться в гнездо – и обычно летать на большие расстояния. Но и к концу дня лишь крошечная часть собранного нектара превращается – моими тайными способами – в сладость, которая так тебя порадовала. Даже амфорка, что держишь ты в руках, – мой труд четырех с половиной недель, сам видишь, какое это трудоемкое дело. Запах меда до того силен, упоителен и неповторим, что многие приходят грабить мое гнездо. Творят они это безнаказанно, ибо я мала и могу лишь сердито жужжать на них и просить убраться прочь. Вообрази: труд многих недель можно утратить одним движением лапы ласки или языка медвежонка. Надели же меня *оружием*, твое величество. Ты наделил скорпиона, который ничего вкусного не творит, смертоносным жалом, а змее, которая только и делает, что нежится на солнце весь день, ты дал ядовитый укус. Дай же мне, великий Зевс, такое оружие. Убийственное, чтоб разило всякого, кто станет воровать мои драгоценные запасы меда.

Брови Зевса сошлись в сумрачной задумчивой гримасе. По небу раскатился рокот, начали собираться и клубиться черные тучи. Звери завозились, с тревогой наблюдая, как меркнет свет, а от порывов ветра захлопали скатерти и зашелестели мерцающие одеяния богинь.

Зевс, как и многие занятые важные особы, недолюбливал привередливость или жалость к себе. Эта глупая летучая точка, а не существо, требует себе смертоносного жала, а? Уж *ей*-то он покажет!

– Несчастное насекомое! – загремел он. – Как смеешь ты требовать столь чудовищной награды? Таким даром, как твой, нужно делиться, а не ревниво копить его. Я не только не пожалую тебе прошеного...

Мелисса перебила его писклявым недовольным жужжанием:

⁷⁶ Греки до сих пор добавляют сосновую смолу [resin, *англ.* – *Примеч. перев.*] в вино, именуют это *рециной* и предлагают туристам. Никто не знает, почему обыкновенно добрые и гостеприимные люди позволяют себе такое. На вкус рецина, по сути, то, что она есть: своего рода скипидар, каким художники разводят масляные краски. Обожаю.

– Но ты дал слово!

Все собрание охнуло. Она что, действительно посмела перебить Зевса и усомниться в его чести?

– Уж извини, но, думаю, ты вспомнишь, что я обещал... – прорычал бог с ледяным самообладанием, которое гораздо страшнее любой вспышки гнева. – Что победитель может *просить* о любом одолжении. Я не обещал, что *удовлетворю* эту просьбу.

Крылья у Мелиссы поникли от разочарования⁷⁷.

– Однако, – продолжил Зевс, вскидывая ладонь, – отныне сбор меда будет даваться легче, ибо велением моим трудиться ты будешь не одна. Ты станешь повелительницей целого легиона, роя прилежных подданных. Кроме того, я *одарю* тебя смертельным и болезнетворным жалом.

Крылышки у Мелиссы бодро встрепенулись.

– Но, – не умолкал Зевс, – тому, кого ужалите вы, принесет раненому острую боль, а вот смерть это принесет тебе и твоему роду. Да будет так.

По небу раскатился еще один удар грома, и небеса начали расчищаться.

Мелисса тут же почувствовала внутри себя странное движение.глянула вниз и увидела, как из оконечности ее брюшка высовывается нечто длинное, тонкое и острое, как дротик. Жало – заточенное, как игла, но оканчивалось оно злым страшным крючком. Содрогнувшись, зажужжав и загудев, Мелисса улетела.

Мелисса – по-прежнему греческое имя пчелы-медоноса, и ее жало – действительно оружие самоуничтожения, припасенное на крайний случай. Если пчела пытается улететь после того, как воткнула жало в кожу жертвы, стараясь высвободиться, она рвет себе внутренности. У гораздо менее полезной и трудолюбивой осы такой зазубрины на жале нет, и оса способна жалить сколько угодно без всякой опасности для себя. Однако осы, какими бы ни были докучливыми, никогда не выдвигали богам эгоистичных высокомерных требований.

Правда и другое: в науке отряд насекомых, к которым принадлежит пчела-медонос, называется *Нупеноптера*, что в переводе с греческого означает «свадебные крылья».

Пища богов

Вероятно, не один лишь вспыльчивый нрав и раздражительность подтолкнули Зевса столь сурово наказать Мелиссу, чей мед действительно был чудесно вкусен. Возможно, дело в политике. Весь собравшийся мир бессмертных должен был засвидетельствовать происходящее. Пусть запомнят хорошенько: Владыка богов неумолим.

Безмолвие, стусившееся над свадебным пиром, было таким же мрачным и сердитым, как тучи, что собрались перед этим. Зевс поднял амфору с медом над головой.

– В честь моей владычицы и возлюбленной жены благословляю эту амфору. Да не опустеет она никогда. Вечно пусть питает нас. Кто б ни пригубил этот мед, никогда не состарится и не умрет. Пусть будет пищей богов, а смесь его с соком фруктов – напитком богов.

Разнесся клич всеобщего ликования, взлетели горлицы, а тучи и молчание развеялись. Музы Каллиопа, Эвтерпа и Терпсихора вышли вперед и хлопнули в ладоши. Заиграла музыка, зазвучали восславляющие гимны, начались танцы. Много тарелок перебили тогда на радостях, и традицию эту блюдут до сих пор, где бы ни сходились греки поесть, поприбавить и пособирать с туристов деньги.

Греческое слово, означающее «бессмертный», – *амбротос*, а «бессмертие» – это и есть АМБРОЗИЯ: так стали называть тот особый, благословленный мед. Его перебродившая питьевая разновидность, своего рода медовуха, именуется НЕКТАРОМ – в честь цветов, сделавших этот сладкий подарок.

⁷⁷ Само собой, мы еще не раз увидим, как Зевс мухлюет с клятвами и увертывается от обязательств.

Гадкий Зевс

Чаша Геры была полна – и буквально, в тот конкретный миг, поскольку внимательная наяда наполняла ее кубок нектаром доверху и через край, и фигурально. Ее старший сын блистательно женился, а Зевс принес клятвы верности и преданности ей – в присутствии всех, кто хоть что-то в этом мире значил.

И потому она не замечала, даже сейчас, что ее ненасытный господин не сводит похотливых взоров с танцующей ЛЕТО, самой красивой нимфы с острова Кос⁷⁸. Лето была дочерью титанов Фебы и Коя, что недавно получили амнистию от Зевса и явились на пир.

Зевсу на ухо забормотали:

– Ты думаешь, что моя племянница Лето обязана тебе жизнью, а потому будет готова разделить с тобой ложе.

Зевс глянул в мудрые, озорные глаза своей наставницы Метиды – океаниды, славившейся непревзойденным умом, хитростью и проницательностью. Метиды, которую он по-прежнему любил и которая, несомненно, любила его. Кровь в нем, и без того подогретая нектаром и амброзией, от танцев и музыки распалась еще пуше⁷⁹. Искра, вспыхивавшая между ним и Метидой, рисковала заполыхать великим пожаром.

Она это заметила и вскинула руку.

– Никогда, Зевс, никогда. Я тебе была вместо матери. Кроме того, сегодня твоя свадьба – ты совсем, что ли, стыд растерял?

Стыд – аккурат то, что Зевс и растерял. Принялся распускать руки под столом. Встревожившись, Метиды встала и удалилась. Зевс поднялся и пошел за ней. Она заспешила, повернула за угол и ринулась вниз с горы.

Зевс помчал вдогонку, по дороге превращаясь сначала в быка, потом в медведя, следом во льва и напоследок – в орла. Метиды спряталась за грудой валунов глубоко в пещере, но Зевс, обернувшись змеем, ухитрился пролезть в просвет между камнями и обвить Метиду своими кольцами.

Метиды Зевса всегда любила и, утомленная и тронутая его настойчивостью, наконец поддалась. И все же, когда свершилось соитие, Зевса что-то продолжало тревожить. Пророчество, услышанное от Фебы. Что-то про ребенка Метиды, который вырастет и свергнет отца.

После, в игривой постельной беседе, они взялись обсуждать превращения – *метаморфозы*, как зовут их греки. Как бог или титан может превращать других – или превращаться сам – в зверей, растения или даже неживые предметы, как это получилось у Зевса, когда гнал он Метиду. Она поздравила его с успехами в этом искусстве.

– Да, – сказал Зевс с некоторым самодовольством, – я преследовал тебя в обличье быка, медведя, льва и орла, но лишь змеем поймал тебя. У тебя репутация хитрой и изворотливой, Метиды, но я одолел тебя. Признайся.

– Ой, я уверена, что могла бы тебя обскакать. Да превратись я в муху, ты бы нипочем не поймал меня, а?

Зевс рассмеялся.

– Ты так думаешь? Плохо же ты меня знаешь.

– Ну давай, – поддразнила его Метиды. – Поймай! – С жужжанием превратилась она в муху и заметалась по пещере. В мгновение ока сделался Зевс ящерицей и одним движением

⁷⁸ Кос – родина одноименного салата-латука [римский салат, или ромен-салат, по-английски называется *cos*. – *Примеч. перев.*], этот вид зелени – ключевой компонент салата цезарь.

⁷⁹ Вообще-то у богов не кровь в венах, а красивая серебристо-золотая жидкость, именуемая ИХОРОМ. Парадоксальная это жидкость: у нее были все жизнотворные свойства амброзии и нектара, однако она была убийственна и смертельно ядовита для смертных.

длинного липкого языка Метида (вместе с каким бы то ни было Зевсовым чадом, что уже сейчас могло зарождаться у нее в утробе) оказалась надежно упрятана в его нутро. Скверная привычка Кроноса слушаться пророчеств и жрать любого, кому предречено свергнуть предка, похоже, передалась и сыну его Зевсу.

Проскользнув обратно на Олимп в собственном обличье и поздравив себя с тем, насколько хитрее он оказался, чем знаменитая этим качеством Метида, Зевс попал как раз в разгар музыки и танцев, и жена его, кажется, ничего не заметила.

Мать всех мигреней

Владыку богов накрыло мигренью. не похмельем от свадебного пира, не головной болью, какая бывает от задачки, которую необходимо решить, – у него как вождя таких всегда хватало, – а головной болью, в смысле настоящей болью в голове. Но какой! С каждым днем становилось все хуже, и Зевса одолевала острейшая, сокрушительная, ослепительная, убийственная мука, невиданная в истории чего угодно. Боги, может, и избавлены от смерти, старения и многих других ужасов, какие наступают и пугают всех, кто невечен, зато от боли они не застрахованы.

Зевсовы вопли, вой и крики разносились по долинам, ущельям и пещерам континентальной Греции. Звенели эхом в гротах, между скалами и бухтами островов, пока весь мир не забеспокоился, уж не повылезали ли гекатонхейры из Тартара и не разразилась ли титаномахия по второму разу.

Братья, сестры и прочие родственники озабоченно вились вокруг него на морском берегу, где обнаружили Зевса: тот умолял своего племянника Тритона, старшего сына Посейдона, утопить его в соленых пучинах. Тритон отклонил эту просьбу, и потому все шевелили извилинами и пытались измыслить другой способ избавления, а бедняга Зевс, страдая, метался и вопил, стискивая голову, словно пытался раздавить ее.

И тут Прометей, юный титан, любимец Зевса, нашелся и нашептал Гефесту свою затею, тот с готовностью кивнул, а затем ухромал к себе в кузницу со всей прытью, на какую способны были его увечные ноги.

А происходило у Зевса в голове интересное. Неудивительно, что страдал он от такой сокрушительной боли, потому что хитроумная Метида была по уши в делах: сидя у него в черепе, она плавала, обжигала и ковала себе доспехи и оружие. В разнообразной, здоровой и сбалансированной диете богов имелось в достатке железа и других металлов, минералов, веществ редкоземельных и следовых элементов, и Метида добыла их все у Зевса в крови и костях – все руды и составляющие компоненты, какие бы ни понадобились.

Гефест, одобренный бы ее зачаточные, но действенные знания в металлургии, вернулся на людный пляж и принес с собой здоровенный топор – двухсторонний, на минойский манер.

Прометей убедил Зевса, что единственный способ облегчить его муки – отнять ладони от висков, преклонить колена и крепиться в вере. Зевс пробормотал что-то насчет неувязки для Владыки богов – нет никого над ним, в кого веровать, – но послушно пал на колени и стал ждать своей участи. Гефест бодро и уверенно поплевал на ладони, схватился за топорщице и, пока публика, притихнув, наблюдала, одним гладким движением опустил топор на середку Зевсова черепа, опрятно расколов его пополам.

Повисла жуткая тишина – все глазели с ошарашенным ужасом. Ошарашенный ужас превратился в предельное недоумение, а следом – в недоуменное обалдение: все увидели, как из расколотого черепа Зевса вздымается наконечник копья. Следом показались рыжеватые перья шлема. Наблюдавшие затаили дыхание, и вот уж взорам их предстала женская фигура, облаченная в полный доспех. Зевс склонил голову – то ли от боли, то ли от облегчения, преклонения или попросту от ужаса, толком никто не разобрал, – и, словно склоненная голова его

была пандусом или сходнями, спущенными для ее удобства, сиятельная сущность спокойно шагнула на песок и поворотилась к Зевсу.

В пластинчатых доспехах, со щитом, копьем и в шлеме с плюмажем, она смотрела на отца неповторимыми, чудесными серыми глазами. И этот серый оттенок, казалось, излучает самое главное в ней – беспредельную мудрость.

С одной из сосен, что окаймляли пляж, слетела сова и уселась на сияющее плечо воительницы. Из дюн выползла изумрудно-аметистовая змея и свилась у ног девы.

Зевсова голова с довольно противным чавканьем срослась и исцелилась.

Всем присутствовавшим было ясно, что эта новая богиня наделена всеми полномочиями власти и личной силы, что вознесут ее над бессмертными. Даже Гера, догадываясь, что новенькая – уж точно плод беспутной связи, случившейся очень вскоре после их с Зевсом свадьбы, чуть не поддалась искушению склонить колено.

Зевс глядел на дочь, из-за которой он претерпел столько боли, и радушно улыбался. На ум ему пришло имя, и он произнес его:

– Афина!

– Папа! – отозвалась она, нежно улыбаясь в ответ.

Афина

Свойства, воплотившиеся в Афине⁸⁰, станут ключевыми достоинствами и достижениями великого города-государства, который получит ее имя, – Афины. Мудрость и пронизательность она унаследовала от своей матери Метиды. Ее силы – искусство рукоделия, войны и государственности. А также закон и справедливость. Она отхватила себе и часть владений Афродиты – любовь и красоту. Афинин извод красоты выражался в эстетике, в восприятии *идеалов* в искусстве, поведении, мыслях и характере, а не в физическом, очевидном и, вероятно, поверхностном виде, какими всегда ведала Афродита. Любовь, за которую отвечала Афина, тоже менее распаленная и физическая, такая, какую позднее станут именовать платонической. Афиняне стали превозносить эти качества Афины превыше всех прочих так же, как восхваляли они ее саму, их покровительницу, превыше всех бытовавших бессмертных. Я называю их «бытовавшими», поскольку – и об этом мы еще узнаем – двое других олимпийских богов, еще не рожденных, вскоре сыграют свою роль в определении того, что значит быть афинянином и греком.

Позднее Афина и Посейдон посоперничают за покровительство над городом Кекропия. Посейдон ударил трезубцем в скалу, на которой они оба стояли, и забил из нее родник соленой воды; впечатляющий фокус, но в соленой воде вообще-то никакого толка, просто живописный общественный фонтан. Простеньким же подарком Афины стало первое оливковое дерево. Граждане Кекропии в мудрости своей углядели многую пользу от плодов, масла и дерева и выбрали Афины своим божеством-покровительницей, а также защитницей, и изменили название города на Афины – в ее честь⁸¹.

В Риме ей поклонялись как МИНЕРВЕ, но без той особой личной связи, какую ощущали с ней греки. Ее любимые животные – сова, этот почтенный символ недреманной мудрости, а также змея – под чьим обличем отец завоевал ее мать. Олива, чьи мягкие и много на что годные плоды оказались великим благословением для Греции, тоже была для нее священна⁸².

⁸⁰ Еще *Athena* пишется как *Athene*, однако никакого дополнительного смыслового оттенка в таком варианте произношения не возникает, по-моему.

⁸¹ Власть на морях и возможная благодаря ей торговля не раз спасали Афины (и подарили ошеломительную победу над персами в Саламинском сражении). Но разведение олив и прочие ремесла, искусства и умения – вотчина Афродиты, и они имели, возможно, даже большую значимость.

⁸² Помимо доспехов на Афине всегда изображали ЭГИДУ. Договориться, как именно выглядела эгида, пока не удалось.

Кажущаяся нежность тех серых глаз выдавала новое видение идеала красоты – соединявшего физическую силу с силой природы и ума. Недальновидно это – сердить Афину. Кроме того, если насолил Афине – насолил и Зевсу. Он в дочке души не чаял, и что б ни сделала она – всё умница. Арес, самый нелюбимый ребенок Владыки, составлял интересный противовес своей сводной сестре. И та и другой – боги войны, но Афину интересовало планирование, тактика, стратегия и умное искусство противостояния, тогда как Арес был богом боя, схватки и всевозможных драк. Он понимал только насилие, натиск, нахрап, покорение и усмирение. Как ни противно, однако следует признать: мощь каждого из них по отдельности не могла сравниться с той, какая возникала в союзе Ареса и Афины.

Афине часто придавали дополнительное имя ПАЛЛАДА, и как Афина Паллада она охраняла свой город Афины. Символ ее хранительства назывался *палладием*, это слово как-то ухитрилось просочиться в названия театров⁸³, а также подарило нам химический элемент *Pd*. Изначально Паллада была дочерью морского бога Тритона и подругой детства Афины. Они затевали полусушутейные войнушки друг с другом. Как-то раз, когда Паллада побеждала Афину, Зевс (вечно бдевший и защищавший свою любимицу) вмешался и, метнув парализующую молнию, вышиб из Паллады дух. Афина в пылу игры нанесла *coup de grâce* и добила подругу. Навеки взяла себе потом имя Паллады – скорбный знак вечной любви и раскаяния.

Афина, как и Деметра, оставалась не оскверненной мужчинами⁸⁴. Ее бездетная одинокая жизнь и юношеская дружба с Палладой наводят некоторых на мысли, что Афину следует считать символом женской однополой любви.

Внутренняя Метида

Когда Зевс одурачил мать Афины, чтобы та обернулась мухой, а он бы потом слизнул ее ящерным языком, Метида повела себя с несвойственной ей глупостью. Казалось бы.

На самом деле никто ее не одурачил. Одурачила она. «Метида» означает «ловкость» и «хитрость», никуда не денешься. Она вполне сознательно дала себя пожрать – более того, она же и заставила Зевса это сделать. Она понимала, что, пожертвовав своей свободой и навеки оставшись внутри него, сможет стать его мудрой советчицей, своего рода «консильери», и нашептывать ему наставления. Нравится ему это или нет.

Тот, кто вещает правду в глаза власти, обычно оказывается в цепях и до срока в могиле, но в голове у Зевса Метиду было не заткнуть. Она станет прозорливо сдерживать бесшабашные выходки и отчаянные страсти, что частенько грозили богу грома неприятностями. Его бурный нрав, похоть и ревность необходимо было уравновешивать ее спокойным голосом – тем, что умел направлять его инстинкты в более рациональное и просвещенное русло.

Пожертвовала ли Метида своей свободой из чувства долга и ответственности или же из любви к Зевсу, которого она обожала, с уверенностью утверждать нельзя. Мне нравится считать, что из смеси первого и второго. Такова была, как сказали бы греки, ее *мойра* – служить и любить.

Иногда ее описывают как звериную шкуру (изначально козлиную: *аига* – греческое слово, означающее «козел»), хотя позже в скульптуре и керамике возникали и львиные, и леопардовые шкуры. Эгидой Зевса обычно считают его щит, возможно обтянутый козлиной шкурой, на нем изображено лицо Горгоны. Цари и императоры, желая намекнуть на свое полубожественное положение, набрасывали эгиду себе на плечи – в знак права на власть. В наши дни это слово подразумевает лидерство или авторитетность. «Под эгидой» того или иного человека, принципа или организации совершаются те или иные действия или делаются заявления.

⁸³ Например, лондонский театр «Палладиум» (с 1910 г.), кинотеатры «Палладиум» в Нью-Йорке (1927–1997) и Голливуде (с 1940 г.) и др. – *Примеч. перев.*

⁸⁴ *Парфенос* [также *партенос*. – *Примеч. перев.*] по-гречески означает «девственница», это слово часто добавляется к имени Афины, отсюда и название Парфенона – ее храма на Акрополе.

Вместе с другими положительными чертами Зевса – харизмой⁸⁵, сердечностью, наивной доверчивостью и (обычно) сильным чувством справедливости, честностью и правдивостью – умное внутреннее руководство Метиды помогло Владыке богов стать великим правителем, чьи качества многократно превосходили отцовы и дедовы, Кроноса и Урана. По сути, настолько Метида вросла в него, что Гомер иногда именуется Зевса *Метиетой* – «мудрым советчиком».

В поиске убежища

Мудрость, воплощенная в Метиде, может, и нашептывала Зевсу в одно ухо, зато второе вечно слушало жаркие призывы страсти. Когда красивые девушки и женщины – а иногда и юноши, – попадались ему на пути, ничто не могло остановить его от преследований по всему свету, даже если ради этого приходилось превращаться во всевозможных животных. Стоило сладострастию накрыть его, как Метида способна была совладать с ним не более, чем шепот – в силах унять бурю, а вопли ревнивой ярости, какими разражалась Гера, действовали на него не мощнее, чем трепет крыльев бабочки способен сбить корабль с курса.

Я уже говорил, что пылкие взоры Зевса успели пасть на Лето, скромную дочку титанов Фебы и Коя. Воображаю, что эпитет «скромная», применяемый женщиной к себе самой, должен раздражать (о скромных мужчинах слышишь куда реже), однако Лето стала как раз таким малым божеством, что воплощает именно это свойство – сдержанного достоинства, которое возникает в мыслях при слове «скромный»⁸⁶. Тем не менее Зевс вскоре настиг ее – и управился с нею.

Неброской титаниде Лето (ЛАТОНА у древних римлян) позднее начали поклоняться как богине материнства, а также образцу скромности. Вероятно, все из-за беременности, которая, после того как Зевс овладел Лето, обернулась самой большой отвагой и победой в испытании. Ибо когда Гера обнаружила, что ее муж обрюхатил Лето, она велела своей бабке Гее не пускать Лето рожать ни на какой земле. Гера и так была вне себя из-за того, что низкородная Афина завоевала больше Зевсовой любви, чем их благородные сыночки Гефест и Арес (в припадке материнского чувства она уже, видимо, забыла, что сама вышвырнула Гефеста с небес), и потому не собиралась допускать, чтобы еще один ублюдочный божок полез нарушать установленный порядок среди олимпийцев. Много в Гере напоминает Ливию, жену римского императора Августа, или жен некоторых английских королей и мафиозных донов. Вечно приглядывают они за династичностью и кровным родством, вечно готовы на все ради чести и семьи, ради фамильных древ и наследования.

Лишенная пристанища на земле, несчастная беременная Лето моталась по морям, ища, где бы родить. Попыталась укрыться у буйных гипербореев, что жили за Северным ветром⁸⁷, но те, боясь гнева Геры, не впустили ее. Во всех смыслах без руля и без ветрил, Лето направила молитвы Зевсу, из-за которого и попала в этот жуткий переплет; однако его власть как Повелителя богов зиждилась на принятии и укреплении права других богов повелевать своими наделами и являть свою волю. Он не мог вмешаться и отменить вердикт Геры или развеять ее ужасные чары. Вожди, цари и императоры вечно жалуются, что они самые несвободные даже по сравнению со своими подданными, и в этом есть некоторая истина. Зевс, разумеется, при

⁸⁵ Здесь это затасканное слово нам применить позволительно: оно греческое, в конце концов, и позволяет описать и Афину как наделенную милостью харит.

⁸⁶ Я глянул в тезаурус и там обрел: «безыскусный, робкий, мягкий, сдержанный, застенчивый, тихий, стыдливый, стеснительный, скрытный, немногословный, боязливый, неуверенный, трусоватый; приличный, порядочный, благовоспитанный, девичий, почтенный, подобающий, добродетельный, чистый, невинный, целомудренный; здравомыслящий, уравновешенный, солидный, чопорный, ханжеский, насупленный». Вряд ли найдется много женщин, кого приведут в восторг подобные определения, примененные к ним самим.

⁸⁷ Территория современной Фракии, на границе Греции, Болгарии и Турции.

всей мощи и величии, всегда был ограничен министерскими принципами правления – консенсусом и коллективной ответственностью, они и позволяли ему править.

Все, что он мог сделать для Лето, – уговорить брата Посейдона создать приливную волну и дотащить лодку Лето до маленького необитаемого острова Делос, что болтался среди заводей и бурунов Киклад, не укорененный в морском дне и потому за пределами Гериного проклятия.

Двойняшки!

Изнуренная лето высадилась на гостеприимном плавучем острове Делос, и сил ей хватило лишь на то, чтобы заползти за дюны и укрыться среди одиноко росших сосен на краю пляжа. Те немногие орешки и травы, какие она могла здесь добыть, не способны были пропитать бурную жизнь, что уже толкалась в ней, и потому Лето добралась до зеленой долины, которую заметила вдали. Там, у подножия горы Кинф, она прожила месяц – на фруктах и орехах, как дикий зверь, зато неуязвимая для проклятия Геры. Живот ей так раздуло за это время, что она опасалась, уж не чудищем или великаном беременна. Но продолжала собирать еду, питаться и отдыхать, собирать еду, питаться и отдыхать.

Однажды приступы голода уступили новым и более острым припадкам боли. Одинокая, без чужой помощи, Лето родила девочку – милейшее дитя из всех рожденных доселе⁸⁸. Новоявленная мать выдохнула имя – АРТЕМИДА. Сильная, наделенная поразительнейшей ртутной прытью и гибкой силой, малышка в первый же свой день на белом свете взялась за необходимую и чудотворную работу. Ибо Лето поняла, почему ее беременность была такой тяжелой и грузной – внутри у нее был еще один ребенок, и этот младший из двойни шел по родовым путям боком, отчего Лето маялась сокрушительными муками. У Артемиды, как выяснилось, было инстинктивное чутье, как легче всего принять дитя, и она помогла с рождением своего великолепного брата.

Мальчик захныкал, и мать с дочерью заплакали от радостного изумления. Волосы у него на голове были не гагатово-черные, как у его сестры или матери, а белокурые – наследие от бабушки по материнской линии, сияющей Фебы. Лето назвала дитя АПОЛЛОНОМ. Аполлон Делосский, как иногда называют его в честь места, где он родился, и Аполлон Феб – в знак почтения к бабушке-титаниде и его собственной лучезарной, золотой красоте, ибо *фебус* означает «сияющий».

Артемиды

Зевс обожал Артемиду почти так же, как Афину, и из кожи вон лез, чтобы защитить ее от Геры – та и смотреть-то не могла на очередной плод адюльтера, особенно на этот, который она высокомерно сочла шепутной пацанкой и посрамлением достоинства женского божества.

Однажды вечером, когда Артемиды еще была девчонкой, Зевс увидел, как она играючи ловит и отпускает мышей и лягушек в подлеске у основания горы Олимп. Он присел рядом на валун и втащил ее к себе на колени.

Она подергала его за бороду, а потом спросила:

– Папа, ты меня любишь?

– Артемиды, ну что за вопрос! Сама знаешь, что да. Знаешь, что я люблю тебя всем сердцем.

Если вы ребенок безнадежного блудодея, то отца можно уломать почти на что угодно. Артемиды вертела Зевсом с той же легкостью, с какой накручивала на пальчик его бороду.

– Ты меня сильно-сильно любишь и желание мое исполнишь?

⁸⁸ Афродита и Афина, обе равные ей по красоте, не были рождены, говоря строго, а потому утверждение верно.

– Конечно, моя милая.

– Хм. Если вдуматься, пустячок. Ты исполняешь желания даже всяких мелких и незаметных нимф и водных духов. Давай ты *несколько* моих желаний исполнишь?

Про себя Громовержец застонал. Весь мир, казалось, считал, будто Зевс всемогущ, сидит на олимпийском троне и повелевает небесами и землей, и это самая простая работа. Что им известно об отцовской вине, братском соперничестве, властной борьбе и ревнивых женах? Угоди одному родичу – взбесишь другого.

– Несколько? Ох ты. У тебя же наверняка есть все, что девочке хочется? Ты бессмертная, а когда достигнешь вершины красоты – не состаришься. Ты сильная, умная, шустрая и... ай! – Последний вскрик вырвался у него потому, что у него из подбородка выдернули волос – довольно жестоко.

– Да они нетрудные, пап. Малюсенькие.

– Ладно, выкладывай.

– Я хочу, чтобы у меня никогда-никогда не было мальчика или мужа, и пусть никакой дядька ко мне не прикасается, ну ты понимаешь, как...

– Да, да... кхм... очень понимаю.

Вероятно, тогда-то Зевс впервые зарделся.

– А еще я хочу себе много-много имен, как у моего брата. Они называются «прозвания». А еще лук – у него их целый набор, а у меня ни одного, потому что я девочка, а это вообще нечестно. Я старшая из двойни, между прочим. Гефест может мне сделать очень особенный, на день рождения, как Аполлону, – серебряный лук с серебряными стрелами, пожалуйста. А еще хочу тунику до колен, чтобы в ней охотиться, потому что длинные платья дурацкие и неудобные. Не нужны мне покровительства над селами или городами, хочу править горными склонами и лесами. И оленями. Мне нравятся олени. И собаки – охотничьи, а не комнатные, от этих никакого толку. И, если тебе не жалко, хочу хор девочек, пусть воспевают меня в храмах, и нимф, чтоб выгуливали собак, присматривали за мной и помогали защищать меня от *дядек*.

– Всё? – У Зевса от этого перечисления чуть голова не пошла кругом.

– Кажется, да. А, и хочу власть, чтобы облегчать тетенькам роды. Я видела, как это больно. Если честно, это вообще-то ужас какая гадость, и я хочу помогать, чтоб было легче.

– Вот же поди ж ты. А Луны тебе не надо, а?

– О, отличная мысль! Луна. Да, Луну хочу, пожалуйста. У меня всё. Больше никогда-никогда ни о чем не попрошу.

Зевс исполнил все ее желания. Как не исполнить?

И стала Артемида богиней чащи и чистоты, невыдрессированных и неукрошенных, гончих и газелей, повитух и Луны. Повелительница лучников и охотниц ценила свою независимость и целомудрие превыше всего. Доброта, с которой она сострадала женщинам в родах, уравновешивалась свирепостью, какую проявляла Артемида, преследуя добычу и наказывая любого мужчину, позволявшего себе слишком приблизиться. По всему Древнему миру боялись ее, обожали и поклонялись ей, и известна она была, в честь горной страны, где родилась, как КИНФИЯ⁸⁹. Римляне именовали ее ДИАНОЙ. Ее личное дерево – кипарис. В той же мере, в какой Афина была богиней всего выращенного, созданного, вытворенного и обдуманного, Артемида – в своем владении природным, инстинктивным и диким – была ее противоположностью. Впрочем, у обеих – а также у Гестии – имелась общая страсть: собственное целомудрие.

⁸⁹ В англ. *Cynthia* (Синтия), распространенное женское имя. – *Примеч. перев.*

Аполлон

Артемида – серебро, а ее брат-близнец Аполлон – золото. Артемида – Луна, он – Солнце. Его лучезарные черты зачаровывали любого, кто их видел. Его пропорции и очертания и по сей день остаются идеалом определенной разновидности мужской красоты. Я говорю «определенной разновидности», потому что Аполлон поражал воображение не только светлой кожей, но и безбородым лицом – и безволосой грудью, что среди греков или богов редкость. Как Иаков в Библии, он был гладким, однако из-за этого не менее мужественным.

Аполлон был владыкой математики, рассудительности и логики. Поэзия и медицина, знание, риторика и просвещение – его вотчина. По сути, он был богом гармонии. Мысль о том, что грубый материальный мир и его обыденные предметы имеют божественные свойства и способны быть созвучными небесам, – аполлоническая, выражена ли она в магических пропорциях квадратов, кругов и сфер, или в безупречных модуляциях и ритмах голоса, или в цепочке рассуждений. Даже глубинные смыслы и судьбы можно прочесть в обычных предметах – если есть у вас такой дар. Аполлон располагал им в изобилии, а к тому же – неспособностью ко лжи. Благодаря этому его, естественно, выбрали повелителем оракулов и предречений. Священным для него был питон, конечно, а также лавр. Его животные-символы – дельфин и белый ворон⁹⁰.

Глупец тот, кто счел бы золотую красу Аполлона признаком слабости. Аполлон был первоклассным лучником, а когда надо – свирепым и лютым воином, как всякий на Олимпе, и как и все его ближайшие родственники, он был способен на жестокость, подлость, ревность и злобу. Что необычно, в Риме ему поклонялись под его греческим именем, без всяких изменений. Аполлон был Аполлоном, куда бы ни отправились вы в Древнем мире.

Гнев Геры

На плавучем острове своего рождения младенцы Аполлон и Артемида оказались под прицелом неукротимого гнева Владычицы неба. Гера сделала все возможное, чтобы не допустить рождения этих живых напоминаний о неверности Зевса, и ее досада и злость от неудачи не имели границ. И она вновь взялась за дело.

Когда двойняшкам было всего несколько дней отроду, Гера наслала на остров змея Пифона – пусть пожрет этих детей. Помните кусок магнетита, который беременная Рея подсушила Кроносу, чтобы тот проглотил его вместо младенца Зевса? Тот самый, который Кронос потом выблевал, а Зевс метнул прочь с Оффриса? Так вот, он упал в место под названием Пифо, что на склонах горы Парнас. Крепко зарывшись в землю, он со временем станет Омфалом, или же пупом земли греческой – пупком Эллады, ее духовным центром и точкой происхождения. Именно на том месте, куда он упал, по приказу Геи, для которой оно и так уже было священным, возник из земли драконоподобный змей – чтобы служить стражем камня. Получив имя по месту возникновения, змей стал прозываться Пифоном⁹¹, как с тех пор и многие змеи в его честь.

Гера в гневе своем отправила Пифона на остров Делос – убить Лето и ее детей. Зевс, рискуя взбесить Геру еще сильнее, нашептал эту весть ветру, а тот передал ее малышу Аполлону, Аполлон в отчаянии переслал ее Гефесту, умоляя смастерить ему лучший лук и стрелы, какие его сводный брат только мог сотворить. Гефест маялся в кузнице семь дней и семь ночей, и наконец непревзойденно прекрасное и мощное оружие вместе с набором золотых стрел отправили на Делос – как раз вовремя, чтобы Аполлон успел их получить, спрятаться за

⁹⁰ Почему Аполлон сделал ворона черным и почему лавр стал для этого бога священным, мы вскоре узнаем.

⁹¹ Это греческое слово также произносится «питон». – *Примеч. перев.*

дюнами и ждать прибытия великого змея. В тот миг, когда Пифон возник из моря и скользнул по песку, Аполлон вышел из засады и выстрелил змею в глаз. Порубил мертвое тело на кусочки прямо на пляже и послал в небо великий победный клич.

Может показаться, что Аполлон имел полное право защищать сестру, мать и себя самого от столь смертоносного создания, однако Пифон был существом хтоническим – он возник из земли, а потому – детищем Геи, и, значит, находился под божественным покровительством. Зевс понимал, что Аполлона за убийство змея придется покарать – или же сам он утратит всякую власть.

По правде говоря, наказание, которое он выбрал для Аполлона, оказалось не очень-то суровым. Зевс изгнал юного бога на восемь лет на родину змея – к горе Парнас, чтобы юноша там покаялся за свой проступок. Помимо того, что Аполлону пришлось занять место стража Омфала, ему же вменили в обязанность организовывать регулярные спортивные соревнования. Пифийские игры проводились каждые четыре года, по одной перед Олимпийскими и после них⁹².

А еще Аполлон основал в Пифо (это место он переименовал в Дельфы⁹³) оракул, где всяк мог задать вопрос о будущем – богу или его назначенной жрице (их называли СИВИЛЛАМИ или ПИФИЯМИ). В транс провидческого экстаза жрица сидела скрытой от вопрошавшего, над пропастью, что проницала утробу самой земли, и призывала двусмысленные пророчества в комнату над собой, где взволнованный проситель ждал речений. Считалось, что так провидческие силы Аполлона и сивиллы восходят отчасти к самой Гее, прабабушке Аполлона. Пары, что, как говорили, возносились из-под земли, многие принимали за дыхание самой Геи⁹⁴. Там бьет Кастальский ключ, чьи воды, по преданию, вдохновляют тех, кто пьет их или слышит их шепот, на поэзию⁹⁵.

Так Аполлон Делосский сделался и Аполлоном Дельфийским. Люди по сей день ездят в Дельфы – спросить о будущем. Я сам в том числе. Аполлон никогда не лжет, но никогда не дает и прямого ответа: он развлекается тем, что отвечает вопросом на вопрос – или шарадой настолько смутной, что она обретает смысл слишком поздно, когда уже ничего не предпримешь.

Чтобы искупить прискорбное убийство и позволить приконченному Пифону спать вечным сном смерти в объятиях его матери Геи, Зевс наконец закрепил усыпальницу Пифона – остров Делос – на земле. Остров больше не плавает привольно, но все, кто навещает его, подтвердят, что к нему до сих пор трудно подобраться: его одолевают периодические ветра-мельтеми и коварные течения. Любого путешествующего на Делос с немалой вероятностью ждет лютая морская болезнь. Словно Гера так и не простила Делос за то, какую роль он сыграл в рождении ЛЕТОИДОВ – славных близнецов Артемиды и Аполлона.

⁹² Вместе с регулярными Немейскими и Истмийскими играми, Пифийские и Олимпийские игры составляли так называемые Панэллинские игры. Тогдашние призы не очень-то сопоставимы с сегодняшними пухлыми кошечками и владениями. Оливковый венок победителю Олимпийских игр, лавровый – Пифийских, сосновый – Истмийских и... самый восхитительный из всех: венок из дикого сельдерея везучему победителю Немейских игр.

⁹³ Название Дельф предположительно происходит от *дельфис*, что означает «матка». Само собой, оно может происходить и от слова *адельфи*, что значит «собратья» (то есть происходящие из одной и той же матки). Следовательно, это священное место именуется в честь Аполлона-брата, возможно, в честь утробы Геи. Есть и еще одна теория: Аполлон прибыл в Пифо верхом на дельфине, *дельфис* по-гречески. Дельфин, в конце концов, рыба с маткой. Но как Аполлону удалось заплыть так далеко по суше верхом на дельфине, я не вполне понимаю.

⁹⁴ Когда Пифия пророчила, она становилась одержима богом Аполлоном, титанидой Фемидой или богиней Геей. Вероятно, всеми троими разом. По-гречески «божественная одержимость» – *энтузиасмос*, энтузиазм. Энтузиаст – человек «вобожествленный», вдохновленный богами.

⁹⁵ Поговаривают, что родник пробивался из подземного кастальского источника, радовавшего местных козлов, судя по всему. Вероятно, это напоминало людям дыхание дельфина, и это еще одно объяснение, почему те места переименовали из Пифо в Дельфы. Касталия, кстати, название грядущего мира в романе Германа Гессе «Игра в бисер».

Майя, Майя

Сколько же теперь стало олимпийцев? Давайте быстренько посчитаем по головам. Зевс – на троне, Гера – при нем, итого двое. Рядом – Гестия, Посейдон (которому нравилось выбираться на сушу и приглядывать за Зевсом), Деметра, Афродита, Гефест, Арес, Афина, Артемида и Аполлон – итого одиннадцать. Аид не считается, потому что он все время торчал в преисподней и место в додекатеоне его нимало не интересовало. Одиннадцать. Стало быть, для кворума в двенадцать недостает одного.

Не успела пыль осесть, а истошные обвинения из-за неурядицы с Пифоном притихнуть до упреков и неласковых взглядов, как Зевс узрел путь своего долга. Нужно родить двенадцатого, последнего бога. Или, иными словами, его чокнутый на сексе взор пал на очередную аппетитную бессмертную.

Во время титаномахии Атлант, самый свирепый боец среди титанов, породил семь дочерей от океаниды ПЛЕЙОНЫ. В ее честь те семь сестер получили имя ПЛЕЯДЫ, хотя иногда, из почтения к отцу, к ним обращались как к АТЛАНТИДАМ.

Старшая, самая пригожая из тех темноглазых сестриц, звалась МАЙЕЙ. Она жила себе застенчивой и счастливой орадой на приятных коринфских склонах горы Киллены в Аркадии⁹⁶. Счастливой она была, пока однажды ночью великий бог Зевс не явился к ней и не заделал ей ребенка. С великой скрытностью – ибо слухами о Герином отношении к Зевсовым внебрачным чадам полнился белый свет, и те слухи вселяли страх во всякую красавицу, и в Греции, и за ее пределами, – Майя, когда пришел срок, родила в удаленной скрытой пещере здорового мальчика и назвала его ГЕРМЕСОМ.

Чудо-чадо

Гермес показал себя необычайно шустрым и развитым ребенком из всех, что когда-либо дышали в этом мире. Через четверть часа после рождения он переполз всю пещеру из конца в конец, одновременно болтая с ошарашенной матерью. Еще через пять минут он запросил какой-нибудь свет, чтобы получше разглядеть стены. Света ему не дали, и тогда он стукнул камнем по камню над жгутом из соломы и развел огонь. Ничего подобного раньше никому не удавалось. Встав во весь рост (все еще даже не получаса отроду), этот замечательный младенец объявил, что собирается на прогулку.

– Тугая тьма этого тесного тайника сообщает мне болезненно острую клаустрофобию, – сказал он, изобретая попутно аллитерацию и целое семейство слов, содержащих «фобия». – До скорейшего свидания. Займись прядением или вязанием – или чем там еще, как полагается хорошей матери.

Выбравшись на склон горы Киллены, этот исключительный и поразительный чудо-ребенок принялся мурлыкать себе под нос. Его мурлыканье сделалось мелодичным пением, какому тут же стали подражать соловьи в окрестных лесах – и с тех пор всё пытаются изобразить.

Гуляя по окрестностям, Гермес не ведал, как далеко забрался, но на каком-то поле открылся ему чудесный вид стада снежно-белых животных, что щипали траву и тихонько мычали в лунном свете.

– О! – зачарованно вздохнул он. – Какие чудные мумучки. – Пусть и был чрезвычайно развит, детские словечки он еще не превзошел.

Гермес смотрел на коров, коровы смотрели на Гермеса.

– Идите сюда, – велел он.

⁹⁶ Ныне гора Килини.

Коровы поглядели еще немножко, а затем опустили головы и продолжили пастись.

– Хм. Так вот, значит, да?

Гермес быстро поразмыслил, собрал длинные листья травы и наплел из них некие коровьи подобия подков, а затем приделал их ко всем копытам каждой коровы. Свои крошечные пухлые ножки он обернул лавровыми листьями. Затем отломил ветку юной ивы, оборвал с нее листья, и получился длинный хлыст, каким Гермес принялся умело шпынять коров и, подхлестывая, согнал их в сплоченное и послушное стадо. Для верности он сопровождал их вверх по склону и прямо в пещеру, где его ошарашенная и обеспокоенная мать тревожно ждала его, с тех пор как он столь безмятежно убрел вдаль.

У Майи это был первый опыт материнства, но она не сомневалась: поразительные замашки и причудливое поведение ее сына необычны – даже среди богов. Она знала, что Аполлон еще младенцем победил Пифона, а Афина, конечно, родилась при полном вооружении, но сотворить огонь из одних лишь камней? Гонять скот? И чем это он помахивает у нее перед носом – *черепахой*? Уж не снится ли ей все это?

– Так, мама, – произнес Гермес. – Слушай. У меня есть мысль. Будь любезна, оглуши черепаху, вытащи мясо и приготовь его. Предполагаю, что получится вкуснейший суп. Я бы посоветовал добавить побольше дикого чеснока, а также чуточку фенхеля. Основным блюдом у нас будет говядина, с чем я сам сейчас разберусь. Одолжи нож – и я вернусь к тебе, не успеешь оглянуться.

С этими словами он исчез в глубине пещеры, и из-за камней донесся душераздирающий крик коровы, горло которой перерезали пухлые младенческие ручки.

После действительно великолепного ужина – и Майе пришлось это признать – она отважилась спросить сына, каковы его замыслы, ибо малыш развешивал перед огнем коровьи кишки. Дожидаясь, пока вонючие потроха высохнут, он проделал мелкие дырочки вдоль края черепашьего панциря.

– У меня есть мысль. – Это все, что ей удалось из него выудить.

Аполлон читает знаки

Знал это Гермес или нет, неведомо, но в первую свою ночь на Земле прошел он довольно далеко. От места своего рождения на горе Киллене к северу через поля Фессалии и вплоть до самой Пиерии, где обнаружил и прибрал к рукам стадо. И вернулся обратно. Детскими шажками это немаленькое расстояние.

А вот чего Гермес точно не мог знать: те белые коровы принадлежали Аполлону, и он их очень ценил. Когда весть об исчезновении стада добралась до хозяина, он в ярости ринулся в Пиерию, чтобы поймать, как ему думалось, злокозненную шайку воров в их логове. Дикие дриады или фавны склонились ко злу, решил он. Они пожалеют, что увели собственность у самого бога стрел. Он лег на поле, где паслось стадо, – чтобы изучить почву со всей пристальностью опытного следопыта. К его изумлению, разбойники не оставили никаких ценных следов. Он разглядел лишь беспорядочные мазки, бессмысленные завихрения и спирали и – если только сам не сошел с ума, – одинокий детский след. Отпечатки, мало-мальски похожие на коровьи копыта, вели не прочь с поля, а *к нему!*

Кем бы ни был тот, кто угнал стадо, – он насмеялся над Аполлоном. Дело провернули бывалые, опытные воры, это уж точно. Его сестра Артемида была самой искусной охотницей из всех, какие ему известны, – не она ли осмелилась? Возможно, измыслила какой-то хитрый способ замести следы. Аресу мозгов не хватило бы. Посейдону незачем. Гефест? Вряд ли. *Кто же тогда?*

Аполлон заметил дрозда, что охорашивался на веточке неподалеку, одним ловким движением натянул тетиву и сбил птицу. Вскрыв ей брюшко, бог оракулов и авгуров по внутренностям птицы попытался высмотреть знаки.

Судя по расцветке кишечника, загибу правой почки и необычному размещению вилочковой железы, сразу стало ясно, что коровы находятся где-то в Аркадии, неподалеку от Коринфа. А что говорит сгусток крови в печени? Гора Киллена. А еще что? Ага! След все-таки был младенческий.

Нахмурился обыкновенно гладкий лоб Аполлона, синие глаза вспыхнули, а красные, как розы, губы сжались в суровую нитку.

Он отомстит.

Сводные братья

Когда аполлон прибыл к подножию горы Киллены, настроение у него испортилось донельзя. Весь мир знает, что те коровы для него священны. Очевидно же, они редкой и ценной породы. Кто *посмел*?

Какая-то гамадриада, свисавшая с ветвей своей осины, ничего подсказать не смогла, однако уведомила Аполлона, что у входа в пещеру Майи собралась пестрая ватага нимф. Может, там ему дадут ответ? Она бы и сама сходила, но ей нельзя отлучаться от своего дерева.

Добравшись до вершины горы, Аполлон увидел, что у пещеры собралось все население Киллены. Подходя все ближе, он уловил звук, что неся из пещеры, – ничего подобного ему раньше слышать не доводилось. Словно сладость, любовь и безупречность – и все, что есть прекрасного, – обрело жизнь и нежно струится ему в уши и дальше, до самой души. Как аромат амброзии влек любого бога к столу и выманивал из него вздохи великого предвкушения, как вид пригожей нимфы побуждал горячий ихор в венах петь и бурлить, и казалось, что бог того и гляди взорвется изнутри, как теплое касание кожи к коже будоражило его до глубин, – так эти неведомые шумы соблазняли и чаровали Аполлона, пока не решил он, что сходит с ума от радости и желания. Вот бы изъять их из пространства и впитать в грудь, вот бы...

Волшебные звуки внезапно умолкли, и чары развеялись.

Толпа наяд, дриад и прочих духов, что собрались у входа в пещеру, разошлась, все качали головами от изумления, словно очнулись от забытья. Протолкавшись, Аполлон увидел в зеве пещеры на груде камней две здоровенные говяжки полутуши, у всех на виду, ловко порубленные на куски. Его бешенство и возмущение ожили с новой силой.

– Ты поплатишься! – взревел он, бросаясь внутрь. – Ох уж ты...

– Тсс!

Двоюродная сестра Аполлона ореада Майя сидела в плетеном кресле и шила. Прижала палец к губам и склонила голову к колыбели у огня, где лепетал во сне розовощекий младенец.

Но Аполлона так просто не уймешь.

– Это демоново отродье украло у меня стадо!

– Ты спятил? – спросила Майя. – Моему ангелочку всего день от роду.

– Видали мы таких ангелочков! Уж я-то умею читать по внутренностям дрозда. Кроме того, я слышу, как в глубине пещеры топчут и мычат коровы. Я опознаю их мычание всюду. Этот ребенок – вор, и я требую...

– *Что* ты требуешь? – Гермес сел в люльке и впери в Аполлона умиротворяющий взгляд. – Ребенку что, и соснуть нельзя? У меня был тяжелый вечер, я гнал стадо, и мне только и не хватало...

– Ты признался! – завопил Аполлон, устремляясь к нему. – Именем Зевса, я выдавлю из тебя жизнь, мелкий ты...

Но когда поднял он Гермеса, изготовившись вытворить с ним неведомо что, из колыбели вывалился странный предмет из дерева и панциря черепахи. Упав, он издал звук, что немедля напомнил Аполлону волшебное пение, совершенно зачаровавшее его у входа в пещеру.

Аполлон выронил Гермеса обратно в люльку и поднял предмет. Две тонкие деревянные планки приделаны к черепашьему панцирю, а поперек натянуты коровьи кишки. Аполлон дернул струну одним пальцем – и вновь поплыл чудодейственный звук.

– Как?..

– Что, эта дрянь? – переспросил Гермес, изумленно вскидывая брови. – Да ерунда, прошлой ночью собрал. Назвал лирой. Но с ней получается кое-что интересное. Если правильно дергать. А можно еще трямкать. Прижимаешь пару струн и... дай сюда, покажу.

Вскоре они уже дергали, щипали, хлопали, трямкали, блямкали и обменивались новыми аккордами, как взбудораженные подростки. Гермес как раз объяснял принцип естественных гармоник, но тут Аполлон, как бы ни заморозили его чувства, пробужденные в нем этим необычайным приспособлением, пришел в себя.

– Да, все это прекрасно, – проговорил он, – однако что же с моим клятым стадом?

Гермес вопросительно оглядел его.

– А ты, наверное, погоди-погоди... не подсказывай... Аполлон, верно?

Не быть узанным – еще один свежий опыт для Аполлона, и опыт этот ему, как выяснилось, не очень-то приятен. Вступить в беседу с младенцем-однодневкой, который обращается к нему свысока, – еще один пункт в списке самых неприятных переживаний. Аполлон уже собрался сокрушить этого нахального постреленка ядовитой репликой и, возможно, стремительным хуком в подбородок, но взгляд его уперся в протянутую ему ладошку в ямочках.

– Дай руку, Пол. Счастлив познакомиться. Гермес, последний довесок к божественному табелю. А ты, стало быть, мой сводный брат? Мама Майя вчера вечером посвятила меня в фамильное древо. Чокнутая мы семейка, а? А?

Еще одно неизведанное ощущение: Аполлона игриво тыкали в ребра. Ему показалось, что он перестает владеть положением.

– Слушай, мне плевать, кто ты такой, нельзя угонять мой скот и думать, что это сойдет с рук.

– Ой, я отплачу, будь спокоен. Но они мне попросту были нужны. Первосортные кишки. Уж раз собрался сделать лиру для своего любимого сводного брата, я желал исключительно лучших кишок.

Аполлон перевел взгляд с Гермеса на лиру и с лиры на Гермеса.

– В смысле?..

Гермес кивнул.

– Со всей любовью. Лира – твоя, а также искусство, с ней связанное. В смысле, ты уже бог чисел, разума, логики и гармонии. Музыка в этот набор помещается славно, правда же?

– Не знаю, что и сказать.

– Скажи: «Спасибо, Гермес» и «Да пожалуйста-пожалуйста, оставь себе стадо, брат мой».

– Спасибо, Гермес! Пожалуйста-пожалуйста, да, оставь себе стадо.

– Как это мило, старик, но на самом деле мне нужны были всего две коровы. Остальных можешь забрать себе.

Аполлон оторопело прижал ладонь к потному лбу.

– И почему же тебе нужны всего две?

Гермес выпрыгнул на пол.

– Майя рассказала мне, до чего боги любят, чтоб им поклонялись, понимаешь, и до чего ценят они животные жертвоприношения. Вот я и убил двух коров и предложил Олимпу одиннадцать кусков горящего мяса одной из них.

Двенадцатый мы с мамой съели вчера вечером. Там еще осталось, если тебе холодное ничего? Очень вкусно, особенно с пастой из горчичного семени, которую я придумал.

– Спасибо, но не буду, – сказал Аполлон. – Это ты дальновидно сделал – послал вот так дыма богам, – добавил он. Аполлону подношения нравились, как любому другому богу. – Очень уместно.

– Ну, – проговорил Гермес, – поглядим, подействовало ли, ага? – И он без всякого предупреждения сиганул Аполлону на руки и вцепился ему в плечи.

От молниеносных ума, тела и замашек этого поразительного младенца у Аполлона голова шла кругом.

– Поглядим, подействовало ли – что?

– Мой замысел втереться в доверие к нашему папе. Отнеси меня на Олимп и познакомь меня со всеми, – ответил Гермес. – На том незанятом двенадцатом троне явно мое имя начертано.

Двенадцатый бог

Всё в Гермесе было быстрым. ум, смекалка, порывы и рефлексy. Богов Олимпа, уже польщенных изысканным душистым дымом, что накануне проник с горы Киллены к ним в ноздри, новенький совершенно обаял. Даже Гера подставила щеку для поцелуя и объявила ребенка очаровашкой. Никто и глазом моргнуть не успел, как Гермес уже сидел у Зевса на коленях и дергал его за бороду. Зевс хохотал, а с ним и все остальные боги.

Каковы же будут обязанности у этого бога? Летучесть его ума и стоп подсказали мгновенный ответ: пусть будет вестником богов. Чтобы придать Гермесу еще больше прыти, Гефест соорудил ему обувь, которая станет фирменной Гермесовой, – *таларии*, пару крылатых сандалий, что позволяли перемещаться с места на место быстрее орла. Гермес так непритворно возрадовался им и прижал к себе Гефеста с такой теплотой и благодарной нежностью, что бог огня и горнил тут же ухромал к себе в мастерскую и через сутки ожесточенной работы вернулся с крылатым шлемом – посадка по голове, гибкая кромка – в пару к талариям. Шлем придавал Гермесу некоторое величие и заявлял миру, что этот шустрый юный красавец – представитель устрашающей мощи богов. Для дополнительной элегантности и шика Гефест подарил Гермесу серебряный жезл, увенчанный крыльями и обвитый двумя змеями⁹⁷.

Байки о проделках Гермеса премного забавляли Зевса с самого начала. Хитрость и лукавство, какие выказал этот юнец, уведя у Аполлона коров, сделали Гермеса естественным покровителем пройдох, воров, лгунов, жуликов, картежников, дельцов, проказников, балагуров и спортсменов. У лгунов, проказников и балагуров есть и возвышенная сторона – так Гермес участвует в литературе, поэзии, ораторском мастерстве и остроумии. Искусность и прозорливость позволили ему царить в науке и медицине⁹⁸. Он стал богом торговли, пастухов (разумеется), странствий и дорог. Несмотря на то что музыка тоже его изобретение, он, как и обещал, подарил эту божественную ответственность Аполлону. Аполлон упростил устройство лиры, заменив панцирь черепахи изящной изогнутой рамой из золота, и в таком виде этот классический инструмент дожил до наших дней.

⁹⁷ Щегольской головной убор Гермеса известен под названием *петас*. Его жезл – *керкион*, или *кадуцей* у римлян, – часто встречается как всемирный символ медицины и скорой помощи либо взамен жезла АСКЛЕПИЯ (о нем позже), либо из-за путаницы с ним.

⁹⁸ Алхимики Средневековья и Возрождения именовали его Гермесом *Трисмегистом* (Гермесом Трижды величайшим). Поскольку, как считалось, он способен по волшебству запечатывать стеклянные трубки, сундуки и ящики, изобретение XVII в. под названием магдебургские полушария (которые силой атмосферного давления и вакуумом необычайно крепко удерживались вместе) именовали «герметически запечатанным», и этот оборот до сих пор в ходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.